

ГОРЫ И УЩЕЛЬЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

I.

Баталпашинскъ. — Станица Джегутинская. — Мишиная тропа. — Хумара. — Каменный уголь. — Долина Теберды. — Лѣса. — Медведи. — Долины Домбай-Ольгена и Бу-Ольгена. — Истоки Теберды. — Ледники.

Въ первыхъ числахъ юля я пріѣхалъ въ Баталпашинскъ съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавъ тамъ всѣ необходимыя приготовленія къ путешествію, отправиться въ живописныя горныя долины и ущелья притоковъ Кубани: Теберды, Зеленчуковъ, Урупа и Лабы.

Какъ самъ Баталпашинскъ, такъ и его ближайшія окрестности ничего особеннаго не представляютъ. Вѣтры, дующіе здѣсь лѣтомъ едва-ли не каждый день, поднимаютъ часто такую пыль, что всякий, кому въ Баталпашинскѣ нѣть особеннаго дѣла, стремится какъ можно скорѣе убраться изъ него. Это желаніе усиливается еще болѣе, когда узнаешь, что въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Баталпашинска найдешь совсѣмъ другой міръ: чистый, горный воздухъ, прохладу, свѣжую зеленую траву, великолѣпные ручьи и прелестныя горныя ландшафты. Впрочемъ, въ Баталпашинскѣ есть предметъ достойный вниманія — это большой мраморный памятникъ покойному Ник. Григ. Петрусеевичу, одному изъ дѣятельныхъ членовъ Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Географическаго Общества. Многимъ изъ читателей, вѣроятно, известно, что Николай Григорьевичъ нѣсколько лѣтъ былъ начальникомъ Баталпашинскаго уѣзда, потомъ, получивъ назначеніе начальника комиссии для изслѣдованія старого русла Аму-Дарьи, отправился въ Закаспійскій край. Тамъ онъ занимался, кромѣ того, изученіемъ юго-восточнаго побережья Каспійскаго моря, Текинскаго оазиса и пограничныхъ съ нимъ персидскихъ провинцій, пока, наконецъ, не былъ смертельно раненъ подъ Геокѣ-Тепе. По желанію жителей Баталпашинскаго уѣзда, какъ русскихъ, такъ и горцевъ, тѣло покойнаго Н. Г. изъ степей Азіи было привезено въ Баталпашинскъ и здѣсь, если не ошибаюсь, его знакомыми былъ воздвигнутъ ему памятникъ близъ церкви. мнѣ приходилось бывать въ Баталпашинскѣ еще въ то время, когда тамъ жилъ Н. Г. Петрусеевичъ, и я хорошо помню то участіе, которое оказывалъ

онъ мнѣ, какъ путешественнику. Въ первый разъ я явился къ нему совсѣмъ неопытнымъ и не подготовленнымъ къ странствованіямъ по горамъ, и онъ тогда предложилъ мнѣ дѣлать вмѣстѣ съ нимъ до Хумары, снабдилъ меня на все время пребыванія въ горахъ своею буркой, подробными картами, биноклемъ и, кромѣ того, даль много дѣльныхъ совѣтовъ, касающихся путешествія. Уже прошло нѣсколько лѣтъ со дня смерти Н. Г. Петрусевича, но и теперь всѣ жители, даже горцы-магометане, которые по большей части относятся къ русскимъ съ нѣкоторымъ недоброжела-тельствомъ, вспоминаютъ о немъ съ благоговѣніемъ.

За Баталпашинскомъ слѣдуетъ станица Усть-Джегутинская, расположенная на правомъ берегу Кубани и имѣющая довольно красивыя окрестности. Лѣвый берегъ рѣки здѣсь очень высокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрытъ лѣсомъ, а въ другихъ скалистъ и обрывистъ. Скалы, состоящія изъ бѣлого известняка, чередуясь съ зелеными лѣсистыми откосами, представляютъ очень красивое сочетаніе цвѣтовъ. Около станицы въ Кубань впадаютъ двѣ рѣч-ки — Джегута и Джаганасъ. Долины ихъ покрыты порядочными лѣсами, въ которыхъ водятся медведи, кабаны, олени, козы и другая дичь. Верстахъ въ семи выше станицы Джегутинской въ Кубань впадаетъ еще рѣчка — Учкулька. Въ этомъ мѣстѣ вдоль берега Кубани громоздятся высокія отвѣсныя скалы изъ песчаника. У подножья ихъ, надъ самой Кубанью проложена дорога въ Хумару и Карабай. Эти скалы служатъ притономъ для огромнаго количества голубей, ласточекъ и косатокъ (*Cypselus apus*).

На другой день по прїѣздѣ въ станицу я отправился къ скаламъ, чтобы поохотиться и поискать чего-нибудь интереснаго. Я увидѣлъ, что голуби (*C. livia*) устраиваютъ на скалахъ свои гнѣзда, ночуютъ здѣсь, въ полдень отдыхаютъ подъ нависшими уступами или даже забираются довольно глубоко въ трещины, а утромъ и вечеромъ улетаютъ кормиться на сосѣднія поля. Здѣсь-же я встрѣтилъ пару стервятниковъ (*Neophron percnopterus*), которые долго летали около скалъ взадъ и впередъ, а потомъ куда-то скрылись. Изъ ласточекъ въ этихъ мѣстахъ гнѣздится *Chelidon urbica* и *Cotyle rupestris*, а изъ косатокъ въ огромномъ количествѣ — *Cypselus apus*. Въ скалахъ, состоящихъ изъ песчаника, есть много круглыхъ полостей, выполненныхъ кристаллами известняка, гипса и кусками агата; изъ многихъ подобныхъ полостей содер-жимое ихъ успѣло высыпаться и въ нихъ ласточки и косат-ки построили свои гнѣзда. Около скалъ попадается довольно

много чекановъ (Saxicola oenanthe), межъ тѣмъ гориахъ косатка (Cypselus melba) почти вовсе не встрѣчается. Вблизи Учкуюки есть залежи мягкой, нѣжной глины, по виду очень напоминающей каолинъ, употребляемый на фарфоровыхъ издѣлія.

Побродивши по хлѣбнымъ полямъ у основанія скаль и застрѣливъ нѣсколько штуку горлицъ и голубей, я расположился отдохнуть на берегу Кубани. Въ это время ко мнѣ подошелъ охотникъ, житель станицы, и вступилъ со мною въ разговоръ. Оказалось, что онъ сынъ мельника и очень хороший малый. Съ нимъ были двѣ гончія собаки; побесѣдовавъ со мною съ полчаса, онъ предложилъ мнѣ отправиться на охоту въ одну балку, гдѣ часто бываютъ кабаны и козы. Дорогою мы рѣшили, что я останусь на верху, у окраины балки, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ скрѣе всего можно ожидать выхода звѣра, а онъ сойдетъ внизъ и тамъ пустить собакъ. Едва этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе, какъ собаки съ громкимъ лаемъ подняли кого-то и погнали; я стоялъ, не зная съ кѣмъ буду имѣть дѣло; но скоро мои недоразумѣнія разрѣшились: на косогорѣ, шагахъ въ 30 отъ меня, выскочила изъ бурьяна коза (косуля) и тотчасъ-же была убита мною. Она оказалась очень крупныхъ размѣровъ и мы изрядно помучились, прежде чѣмъ вытащили ее на дорогу, къ берегу Кубани, гдѣ могли уже положить на повозку.

По пути отъ Усть-Джегутинской станицы до Хумары есть еще красивое мѣсто. Это дорога, известная подъ именемъ Мышиной тропы. Она проложена въ скалахъ; вездѣ надъ нею висятъ камни, а глубоко внизу шумитъ Кубань. Особенно красивы тутъ 2 или 3 зигзага, которые она дѣлаетъ для того, чтобы обогнуть глубокія балки. Однажды мнѣ съ однимъ знакомымъ пришлось проѣзжать по Мышиной тропѣ въ темную ночь. Ямщицѣ гнать лошадей быстро и намъ казалось, что повозка вотъ-вотъ опрокинется, и мы скатимся подъ кручу, въ Кубань. Скалы, громоздящіяся надъ самой дорогой, выглядываютъ какъ-то особенно мрачно и непривѣтливо. Но замѣчательно эффектное явленіе произвели въ это время свѣтящіеся жучки, которые, то и дѣло, летали у самыхъ скаль. Какъ известно, они свѣтятся не постояннымъ свѣтомъ, а представляютъ какъ будто огонекъ, который то вспыхиваетъ, то гаснетъ. И вотъ вдругъ среди полнѣйшей темноты является яркій свѣтъ; онъ на нѣсколько мгновеній освѣщаетъ невидимыя до этого, висящія надъ нашей головой, скалы, потомъ снова исчезаетъ, и опять все погружается въ непроглядную тьму.

Что касается Хумары, то это нѣкоторымъ образомъ земной рай, который, конечно, описанію не поддается. Лѣто здѣсь прохладное, всюду бездна зелени, а горы такъ красивы, какъ рѣдко гдѣ. Около Хумаринской крѣпости сходятся нѣсколько глубокихъ долинъ и ущелій, раздѣляющихся необыкновенно красивыми и живописно-расположенными хребтами, которые, по мѣрѣ приближенія къ югу, громоздятся одинъ надъ другимъ все выше и выше и образуютъ замѣчательно красивую картину. Здѣсь нѣть ни одного вида, производящаго тяжелое, подавляющее впечатлѣніе, а всюду самые изящные, нѣжные горные пейзажи.

На лѣвомъ берегу Кубани, противъ Хумаринской крѣпости, возвышается гора Шоана, достигающая, вѣроятно, не менѣе пяти тысячъ футовъ высоты. На узкомъ карнизы этой горы, футовъ на 1.000 надъ уровнемъ Кубани, стоитъ древняя христіанская церковь, выстроенная очень правильно и изящно. Къ ней ведетъ одна узкая тропинка, а передъ алтаремъ ея зинеть прошастъ въ нѣсколько десятковъ сажень глубины; она отдѣляется отъ стѣнъ церкви пространствомъ, имѣющимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе аршина ширины. Эта церковь очень не велика, длина ея, сколько мнѣ помнится, аршинъ двѣнадцать; сложена она изъ крупныхъ, почти кубическихъ, камней сѣрого песчаника, залегающаго по берегу Кубани, около Хумаринской крѣпости. Само собою разумѣется, что потребовался страшный трудъ на то, чтобы втащить этотъ камень по столь крутымъ тропинкамъ и на такую значительную высоту. Окна и своды дверей церкви сдѣланы изъ кирпича, который до-сихъ-поръ сохранился прекрасно; на плоскомъ куполѣ теперь уже растутъ деревья. Внутри стѣны были покрыты сѣрымъ крупно-зернистымъ цементомъ, сверху которого положены еще слой гипса въ нѣсколько линій толщины. По правильности и изяществу сводовъ, карнизовъ и всѣхъ прочихъ частей нужно полагать, что церковь была построена опытнымъ архитекторомъ. Надписей и образовъ въ ней не сохранилось вовсе. Священникъ осетинскаго аула, находящагося у подножья горы Шоаны, иногда служить въ этой церкви *); сюда-же по временамъ собираются осетины для совершения своихъ, чисто языческихъ, обрядовъ: они около церкви рѣжутъ быка, совершаютъ жертвоприношенія, молятся Богу, ёдятъ и пьютъ. Изъ Хумаринской крѣпости эта церковь представляется карточнымъ домикомъ.

*.) Осетины переселились сюда изъ Терской области.

Окрестности Хумары замечательны по залежамъ каменного угля, который начали добывать еще въ 1846 году, при Намѣстнике князѣ Воронцовѣ. Угольные пласты обнажаются здѣсь по обоимъ берегамъ Кубани, на пространствѣ верстъ 20 (отъ станицы Верхне-Николаевской до Каменного моста). Толщина пластовъ очень различна, но нигдѣ не превышаетъ 12-ти вершковъ. Угольный штольни находятся въ трехъ мѣстахъ: на лѣвомъ берегу Кубани, по рѣчкѣ Каракенть, на правомъ—между рѣчками Шупшурукомъ и Марой и около рѣчки Хумары. По изслѣдованіямъ Гѣпперта, Кубанскій уголь состоитъ, главнымъ образомъ, изъ остатковъ ископаемыхъ растеній *Taeniopterus*, *Alethopteris* и *Pterophyllum Abichianum* G  pp. Сверху и снизу къ угольному пласту прилегаютъ тонкія прослойки глинистаго сланца, за которымъ слѣдуютъ мощные пласты сѣраго, то мелко-зернистаго, то крупно-зернистаго, песчаника, достигающіе часто до 10 футовъ толщины. Уголь и окружающіе его песчаники и сланцы принадлежать юрской формациі. Хумаринскій уголь чернаго цвѣта, при горѣніи даетъ яркое пламя, много коноти и спекается въ коекъ.

Изъ Хумары я отправился въ Тебердинскій аулъ, находящійся въ очень живописной Тебердинской долинѣ. Этотъ разъ мнѣ пришлось путешествовать не одному, а цѣлой компанией, именно съ уѣзднымъ начальникомъ Ф. А. Кузовлевымъ и его родственниками С. и Г.

Теберда, если не самая быстрая, то по-крайней-мѣрѣ одна изъ самыхъ быстрыхъ рѣчекъ Сѣвернаго Кавказа. Она имѣеть шаговъ 30 или 40 въ ширину и чистую воду прекраснаго зеленовато-голубаго цвѣта, которую она съ громкимъ шумомъ катить по своему неровному каменистому дну. Тебердинская долина вначалѣ просторна, а потомъ дѣлается все уже и уже. Средняя ширина ея отъ 100 до 200 сажень, рѣдко больше, но часто гораздо меньше. Берега рѣки мѣстами окаймлены лѣсомъ, а по большей части прекрасными лугами, усыпанными множествомъ разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ. Птицъ здѣсь также не мало. Чаще всѣхъ попадается на глаза Кавказскій краснохвостый сарычъ (*Buteo Menetriesi* Bogd.), потомъ чеканы (*Saxicola oenanthe* и *Pratincola guttbra*), щеврица (*Anthus arboreus* и *campestris*), изрѣдка удоды и зяблики. На падали, валявшейся въ долинѣ, мы видѣли двухъ бѣлохвостыхъ орлановъ; въ то время, когда они наполнили свои желудки, шагахъ въ сорока отъ нихъ на землѣ сидѣли два стервятника (*Neophron percnopterus*). Трусливые отъ природы, они

нѣсколько разъ пытались приблизиться къ падали, но каждое порывистое движение орлановъ заставляло ихъ снова удаляться на почтительное разстояніе. Часто попадается здѣсь еще деревенская ласточка (*Cecropis rustica*) и береговая (*Cotyle riparia*), щеголь, грифы и дроздъ держа (Turdus viscivorus).

Отъѣхавъ отъ Хумаринской крѣпости верстъ 40, мы въ полдень добрались до Большаго Тебердинскаго аула. Перемѣнивъ въ немъ лошадей и отдохнувъ часа два у почтеннаго старшины, знаменитаго охотника Ожая, все наше общество верхами отправилось вверхъ по долинѣ. За нами послѣдовалъ и самъ Ожай. Сначала мыѣхали по обширнымъ полянамъ праваго берега Теберды, потомъ перебралисъ на лѣвый и вскорѣ вступили въ величественный тебердинскій лѣсъ. Теберда течетъ здѣсь въ глубокой долинѣ, дно и склоны которой покрыты дремучимъ хвойнымъ лѣсомъ; съ обѣихъ сторонъ долину окаймляютъ хребты, скалистыя вершины которыхъ поднимаются тысячу до десяти футовъ надъ уровнемъ моря. Во многихъ мѣстахъ на нихъ лежать вѣчные снѣга. Лѣса, находящіеся на правой сторонѣ рѣки, состоять, главнымъ образомъ, изъ елей и пихтъ, достигающихъ нѣрѣдко трехъ, даже трехъ съ половиною обхватовъ толщины и, быть можетъ, до сотни аршинъ вышины. Лиственінныхъ породъ здѣсь сравнительно мало. Совершенно иной характеръ въ отношеніи флоры носить сильнѣе подверженный дѣйствію солнечныхъ лучей лѣвый берегъ Теберды. Здѣсь растетъ черноклѣнь (*Acer campestris*), клѣнъ (*Acer Trautfeteri*), ясень, дубъ, много чинара (*Fagus sylvatica*), орѣшникъ, ольха (*Alnus incana*), черноольха (*A. glutinosa*), рябина (*Sorbus aucuparia*), березы, достигающія двухъ обхватовъ толщины, а изъ хвойныхъ — сосны, ели и пихты, подобныя тѣмъ, которыя встречаются на правой сторонѣ. Здѣсь-же, но нѣсколько рѣже, попадается вязъ, калина (*Viburnum lantanum*), каприфоль (*Lonicera caprifolium*) и нѣкоторые другіе виды жимолости, кроме того — крушина (*Rhamnus cathartica*), бузина (*Sambucus Ebulus*), а очень рѣдко — тисъ (*Taxus baccata*) и лавръ (*Laurus nobilis*). Травянистые растенія представляютъ также значительныя отличія. Вмѣсто папоротниковъ, мховъ и лишайниковъ праваго берега, на лѣвомъ попадаются ландыши (*Convallaria anceps*), орхисы (*Orchis maculata* и другіе), недотрога (*Impatiens nolitangere*), синякъ (*Echium vulgare L.*) и т. д. Въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось проѣзжать черезъ котловину, открытую съ юга и загражденную съ сѣвера. Здѣсь росли сосны и различныя лиственінныя деревья;

но пихть и елей не было вовсе. Въ аулѣ мнѣ бросилось въ глаза множество кустиковъ *Blitum capitatum*.

Изъ насѣкомыхъ мы встрѣчали много майскихъ жуковъ (*Melolontha fullo*), въ одномъ мѣстѣ огромное количество испанскихъ мухъ (*Lyta vesicatoria*) и, кромѣ того, изобиліе бабочекъ (*Vanessa, Arginnis, Papilio* и т. д.).

Въ тебердинскомъ лѣсу есть довольно много полянъ. Одна изъ нихъ, расположенная у самаго берега Теберды, была избрана нами для ночлега. Здѣсь на скорую руку горцы устроили изъ вѣтвей шалашъ для нашихъ спутницъ, а мы расположились подъ открытымъ небомъ.

На слѣдующій день нужно было продолжать путь по лѣвому берегу Теберды. Здѣсь намъ пришлось перѣхать три небольшія рѣчки, впадающія въ Теберду: Хаджи-бей, Батукъ и Хуту. Всѣ онѣ, а въ особенности первая, необыкновенно красивы, текутъ по страшно-крутому ложу, усыпаному камнями, и имѣютъ замѣчательно чистую, прозрачную, голубаго цвѣта воду.

Проехавъ черезъ одну небольшую поляну, мы увидѣли на крутомъ косогорѣ съ лѣвой стороны рѣки медвѣдя. Онъ стоялъ отъ насъ шагахъ въ пятистахъ и, повидимому, не замѣчалъ насъ вовсе. Я и тебердинскій охотникъ Кара-Магуляй поспѣшили соскочить съ лошадей и отправились къ медвѣду, остальные-же члены компаніи наблюдали за нами издали. Намъ пришлось карабкаться по очень кругому склону, во многихъ мѣстахъ покрытому осинами. Когда мы выглянули изъ-за послѣднихъ березовыхъ кустовъ, служившихъ для насъ прикрытиемъ, то до медвѣда оставалось еще шаговъ сто. Со мною была хорошая винтовка и я хотѣлъ было стрѣлиться изъ-за этихъ кустовъ, но Кара совѣтовалъ повернуть вправо и опушкой лѣса подкрасться къ медвѣду ближе. Я послушалъ его. Минутъ черезъ пять мы выбрались на опушку и изъ-за камня выглянули, чтобы узнать, гдѣ находится медвѣдь; онъ стоялъ шагахъ въ 25 и, повернувши къ намъ голову, внимательно разматривалъ насъ. Мы поспѣшили прицѣлиться, мой спутникъ выстрѣлилъ, а у меня оказался спущенный ударникъ винтовки: взбираясь на кругую гору, я въ попыхахъ забылъ взвести его. На такомъ незначительномъ разстояніи Кара сдѣлалъ промахъ и медвѣдь бросился бѣжать. Черезъ иѣсколько мгновеній я выстрѣлилъ вслѣдъ ему, но пуля пролетѣла надъ его спиной и ударила объ камень. У меня въ руѣ былъ еще патронъ, но прежде чѣмъ я успѣлъ вложить его, медвѣдь уже скрылся въ лѣсу. Я очень со-

жагъль, что не стрѣлять въ медвѣдя изъ-за березовыхъ кустовъ. Тогда можно было прицѣлиться не торопясь и почти навѣрно убить его.

Вначалѣ дорога по тебердинскому лѣсу была довольно сносная; ее можно-бы назвать даже породичной, если-бы на ней не попадались топкія мѣста. Замѣчательно, что лошади горцевъ идутъ гораздо смѣлѣе по осыпямъ, кручамъ и скаламъ, чѣмъ черезъ топки. Здѣсь они ступаютъ съ такою нерѣшительностью, какъ будто-бы на каждомъ шагу боятся попасть въ глубокую трясину, откуда невозможно выбраться. Выше впаденія Хаджи-бека въ Теберду дорога стала, однако, замѣтно хуже. Около самаго берега рѣки тянулась по косогору узенькая тропинка, почти совершенно заросшая орѣшникомъ и другими кустарными растеніями. По ней пришлось нѣкоторое разстояніе пройти цѣшкомъ. Часа въ два по-прудни мы доѣхали до того мѣста, гдѣ Теберда подъ прямымъ угломъ поворачиваеть къ юго-востоку и дальше продолжали путь по протоку ея—Домбай-Ольгень *). Проехавъ еще верстъ восемь вдоль берега его, мы попали на то мѣсто, гдѣ онъ составляется изъ трехъ отдѣльныхъ рѣчекъ: собственно Домбай-Ольгена, Софеджи-Теберды (на пятиверстной картѣ—Хутый) и Яманауса (на картѣ не обозначенъ). Здѣсь находится большая поляна, окруженнная со всѣхъ сторонъ замѣчательно красивыми видами. По окраинамъ ея растутъ отдѣльными группами березы и клѣны, а за ними слѣдуетъ крупный хвойный лѣсъ, который образуетъ непрерывную высокую темно-зеленую стѣну, обхватывающую поляну со всѣхъ сторонъ. Въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень на юго-востокъ отъ поляны поднимается высокая гора Белала-Кая, т. е. рабая скала, покрытая при основаніи лѣсомъ, а далѣе скалистая. Недалеко отъ вершины, находящейся, вѣроятно, на высотѣ одиннадцати или двѣнадцати тысячъ футовъ, она пересѣкается нѣсколькими бѣлыми поясами, за что и получила свое название. Вершина ея покрыта снѣгомъ. Вправо отъ Белала-Кая находится два небольшие глетчера, спускающіеся къ Яманаусу. Одинъ изъ нихъ, насколько можно судить издали, имѣетъ около версты въ длину и сажень сто въ ширину. Другой видѣть только отчасти. На западъ, т. е. въ верховьяхъ Софеджи-Теберды, также свѣщиваются съ очень крутыхъ склоновъ нѣсколько маленькихъ ледниковъ,

*) Домбай — „зубръ“, ольгень — „убить“ или „раненъ“. Вѣроятно, и здѣсь въ прежнія времена водились зубри.

а ѿ югу отъ поляны тотчасъ-же поднимается высокая стѣна Главнаго Кавказскаго хребта, покрытая во многихъ мѣстахъ обширными снѣжными полями; наконецъ, на востокѣ, по направлению Домбай-Ольгена, стоить острая, какъ пика, гора чернаго цвѣта, по высотѣ почти такая-же, какъ Белала-Кал.

На этой полянѣ мы остановились часа на два и почти все время провели въ созерцаніи чудной горной природы, а передъ вечеромъ отправились дальше, къ верховьямъ Домбай-Ольгена. Не дѣзжая версты полторы до истоковъ его, мы увидѣли еще одного небольшого медвѣда; онъ стоялъ на снѣжной лавинѣ, свалившейся, вѣроятно, еще въ началѣ лѣта, и былъ видѣнъ прекрасно. Передъ лавиной находилась узкая, но длинная полоса лѣса, начинавшаяся отъ берега Домбай-Ольгена и тянущаяся вверхъ по склону горы версты на полторы. Медвѣдь, замѣтивъ насъ, скрылся въ этомъ лѣсу; тогда я съ Ожаемъ отправился на противоположную сторону его, а одного изъ карачаевцевъ послалъ по слѣдамъ медвѣда, чтобы заставить его выйти на насъ. Прощло съ четверть часа въ томительномъ ожиданіи, наконецъ, на опушкѣ лѣса вмѣсто медвѣда появился нашъ посланный; медвѣдь-же, вѣроятно, направился вверхъ, вдоль лѣса и тамъ подъ какой-нибудь скалою залегъ.

Проехавъ еще версты полторы, мы достигли истоковъ Домбай-Ольгена и тутъ, у самаго подножья Главнаго хребта, расположились на ночлегъ. Вскорѣ около насъ запыпалъ большой костеръ, сначала изъ сухихъ корней можжевельника, потомъ изъ толстыхъ сосновыхъ и березовыхъ бревенъ. Мы находились на небольшой лужайкѣ, на высотѣ почти 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря, а вокругъ насъ со всѣхъ сторонъ поднимались высокія горы, покрыты снѣжными полями. Вечеръ былъ тихій, ясный и относительно теплый. Наши спутники-горцы сидѣли и лежали вокругъ костра, занимаясь кто жареніемъ мяса, кто приготовленіемъ чая или вареніемъ шурпы *); освѣщенные красноватымъ свѣтомъ костра, они такъ рѣзко выдѣлялись изъ общей темноты и представляли такъ эффектно освѣщенную группу, что, вѣроятно, самъ Рембрантъ по-завидовалъ бы ей. Часа черезъ два взошла луна и особенно блѣднымъ свѣтомъ облила горы. Звѣзды тогда стали мало-по-малу тускнѣть, а высокія скалы и снѣжныя поля особенно рѣзко обрисовались на темной синевѣ неба.

*) Супъ мясной, приправляемый кислицей и молокомъ.

Еще до нашей поездки Ожай рассказывал мнѣ, что въ верховьяхъ Домбай-Ольгена водится много туровъ, и потому я съ нимъ съ вечера уговорился идти на охоту. Мы встали до восхода солнца и направились къ небольшому леднику, изъ которого вытекаетъ Домбай-Ольгентъ. Онъ имѣеть сажень 50 въ ширину и около версты въ длину. Морены его очень не велики, а поверхность ничего особенного не представила. Ледникъ этотъ спускается довольно низко, поэтому не только вблизи нижняго конца его, но даже значительно выше мы встрѣтили очень разнообразную растительность. Намъ попадались: малина, смородина, калина (*Viburnum Opulus*), рябина, крушина (*Rhamnus*), береза, а изъ травянистыхъ растеній — герани, незабудки (*Myosotis vulgaris* и *M. coespitosa*), скабіозы, генціаны и много злаковъ.

Пройдя небольшое пространство по леднику, мы свернули вълево и стали взбираться на крутую гору, находящуюся между потоками Домбай-Ольгена и Бу-Ольгена. Она очень ясно обозначена на пятиверстной карте Кавказа, но никакъ не названа. Подъемъ на нее былъ такъ крутъ и покрытъ такой скользкой травой, что трудно представить себѣ мѣстность болѣе неудобную для ходьбы. Почти цѣлый день мы съ Ожаемъ карабкались по страшнымъ крученіямъ, надѣясь гдѣ-нибудь увидѣть туровъ или сернъ, но безуспѣшно. Наши труды вознаградились только тѣмъ, что мы цѣлый день имѣли передъ глазами восхитительные виды. Тотъ склонъ, по которому намъ пришлось взбираться, обращенъ къ югу и потому снѣга на немъ почти не было, за то противуположный, обращенный на сѣверъ и находящійся по другую сторону ледника, представлялъ превосходную картину. Всюду на немъ висѣли обледенѣлые и изборожденные множествомъ глубокихъ трещинъ снѣжныя поля, между которыми торчали черные, остроконечные, зубчатыя скалы, а ниже находились зеленые уступы, покрытые травой или густыми зарослями рододендроновъ. Мы нѣсколько разъ слышали грохотъ, производимый тресканьемъ льда и паденiemъ лавинъ, а два раза могли даже наблюдать издали это замѣчательное явленіе. Съ горы катились цѣлые сотни тысячъ пудовъ крупныхъ кусковъ льда, за ними слѣдовали болѣе мелкие вмѣстѣ съ градомъ камней и, наконецъ, снѣжная или ледяная пыль. Ледяные глыбы, удараясь о скалы и трескаясь, наполняли воздухъ тысячами разнообразнѣйшихъ звуковъ, къ которымъ присоединялся глухой громъ и стукъ катящихся камней. Въ нѣсколько минутъ пространство, покрытое зеленою, превращалось въ снѣжную пустыню.

Когда мы, возвращаясь домой, приблизились къ леднику, то на склонѣ горы показалась серна. Она была на довольно значительномъ разстояніи и мѣстность не позволяла подкрасться къ ней. Ожай увѣралъ, что изъ его ружья на такое разстояніе стрѣлять нельзя, и просилъ меня пустить въ серну пулю. Я выстрѣлилъ, звучное эхо нѣсколько разъ повторило выстрѣль и гдѣ-то вдалѣ затаихло, а серна тѣмъ временемъ скрылась между скалъ.

За нѣсколько времени до нашего возвращенія къ стоянкѣ мы встрѣтили Кара-Магуляя. Подобно намъ, онъ съ утра отправился на охоту и, пробродивъ цѣлый день, не видѣлъ ни турохъ, ни сернъ, но будто-бы стрѣлялъ въ барса, который, будучи смертельно раненъ, свалился со скалы въ такое мѣсто, куда не было возможности спуститься. Трудно рѣшить, правду-ли говорилъ охотникъ, но что въ горахъ сѣверо-западнаго Кавказа изрѣдка попадаются барсы, въ этомъ я самъ имѣлъ случай убѣдиться.

На слѣдующій день мы отправились въ обратный путь, предполагая ночевать на той полянѣ, которая находится при слизни Домбай-Ольгена, Яманауса и Софеджи-Теберды. Не добѣжавъ до поляны нѣсколько десятковъ сажень, мы увидѣли на окраинѣ ея медвѣдя. Я съ Ожаемъ тотчасъ отправился скрадывать его, а всѣ прочіе остались на мѣстѣ. Пройдя съ сотню шаговъ по руслу ручья, мы выглянули изъ-за отвеснаго берега, чтобы узнать, гдѣ медвѣдь. Разстояніе до него было еще значительное, но отсюда я уже могъ разсмотрѣть его довольно хорошо. Онъ имѣлъ свѣтлорыжій цвѣтъ шерсти, такую громадную величину и такую безобразную и страшную морду, что я невольно подумалъ, что, въ случаѣ неудачного выстрѣла, мнѣ съ старикомъ Ожаемъ, пожалуй, придется плохо. Не знаю къ лучшему или нѣть, но стрѣлять по этому чудовищу намъ не удалось: когда, пройдя еще нѣсколько десятковъ шаговъ по руслу ручья, мы выглянули изъ-за кручи, медвѣдя на полянѣ уже не было. Вѣроятно, онъ почуялъ наскрѣ и ушелъ. Ожай, описывая его величину нашимъ спутницамъ, сказалъ, что „медвѣдь ровно лошадь, только ноги коротки“.

Добравшись утромъ слѣдующаго дня до мѣста слизня Теберды и Домбай-Ольгена, я разстался съ Ф. А. Кузовлевымъ и нашими спутницами; они возвращались въ Хумару, я-же съ двумя карачаевцами отправился къ верховьямъ Теберды и другого ея притока—Бу-Ольгена *).

*.) Бу—олень самецъ, Бу-Ольгень—убить оленя.

Прежде всего намъ нужно было перебраться на правый берегъ Теберды; эта переправа, конечно, ничего пріятнаго не могла представлять, такъ-какъ рѣка здѣсь течеть очень быстро, и при томъ по неровному дну, загроможденному большими камнями, но для привычныхъ лошадей, родившихся среди горъ, она ничего невозможнаго не представляла.

Тотчасъ послѣ переправы мы вступили въ уроцище Гунач-хырь, которое начинается отъ упомянутаго еще раньше мѣста, гдѣ Теберда, повернувъ подъ прямымъ угломъ, направляется къ юго-востоку. Здѣсь дорога была крайне плоха, потому что проходила по грудамъ громадныхъ камней, свалившихся съ сосѣднихъ высотъ. Это мѣсто нужно было пройти пѣшкомъ. По обѣимъ сторонамъ тропинки и здѣсь стоялъ крупный лѣсъ, въ которомъ, однако-же, пихта преобладала надъ соснами и елями; на дорогѣ намъ попадались слѣды медвѣдей.

Часа черезъ три мы доѣхали до мѣста впаденія въ Теберду Бу-Ольгена. Это небольшая рѣчка, имѣющая всего около 6 или 7 верстъ въ длину. Она течетъ по глубокой долинѣ, которая вначалѣ покрыта лѣсомъ, а далѣе приобрѣтаетъ луговой характеръ. Ограничивающія ее съ боковъ горы состоять почти исключительно изъ аспиднаго сланца синевато-чернаго цвѣта. Въ верховьяхъ этой долины былъ кошъ *) и мы, чтобы легче добывать провизію, расположились вблизи него. Мѣсто, занимаемое имъ, находилось у самаго подножья Главнаго Кавказскаго хребта и почти со всѣхъ сторонъ было окружено высокими, черными, остроконечными пирамидами, вершины которыхъ покрыты снѣгомъ. Нѣсколько старыхъ лавинъ, свалившихся, вѣроятно, еще весною, лежало недалеко отъ насъ и на одной съ нами высотѣ. Здѣсь разстилались красивые луга со множествомъ свѣжихъ роскошныхъ цвѣтовъ и обширныя пространства, занятыя рододендронными зарослями. Высокая, съ крупными темнозелеными листьями чемерица (*Veratrum album*), растущая въ огромномъ количествѣ, придавала ландшафту также особенный характеръ.

Вечеромъ, въ день нашего пріѣзда къ верховьямъ Бу-Ольгена, мои спутники отправились на охоту. Ночевали они около ледника, разсчитывая утромъ, при восходѣ солнца, встрѣтить туровъ, возвращающихся съ альпійскихъ пастбищъ обратно въ верхніе пояса горъ, гдѣ они проводятъ день. На другія сутки, передъ

*) Столика пастуховъ.

закатомъ солнца, охотники возвратились. Одинъ изъ нихъ три раза стрѣлялъ по сернамъ, но ни одной не убилъ, другой застрѣлялъ молодого тура.

На слѣдующее утро я отправился къ истокамъ Бу-Ольгена, образующагося изъ нѣсколькихъ ручьевъ, которые питаются снѣгами соѣдніхъ горъ. На одномъ изъ нихъ есть высокій, красивый водопадъ. Пробираясь съ правой стороны главнаго истока Бу-Ольгена, я приблизился къ довольно крутыму склону, покрытому щебнемъ и болѣе или менѣе крупными обломками различныхъ породъ. Я началъ взбираться на него и только, пройдя шаговъ 200, замѣтилъ, что иду по леднику, нижній конецъ котораго совершенно скрытъ подъ моренами. Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ чаще и чаще встрѣчалъ мѣста съ обнаженнымъ льдомъ; наконецъ, я взобрался на такую высоту, где поверхность ледника была почти чистая, но здѣсь не оказалось ни красавыхъ глубокихъ трещинъ, ни ямъ, ни столовъ,—словомъ, ничего такого, что всегда встрѣчается на большихъ глетчерахъ; морены его, за исключеніемъ развѣ конечной, были очень малы, да и самъ ледникъ оказался весьма небольшимъ, особенно въ отношеніи длины. Такъ-какъ онъ спускается очень круто, то поверхность его пересѣкается множествомъ быстрыхъ ручьевъ, представляющихъ непрерывную цѣпь каскадовъ и водопадовъ.

Пройдя около половины длины ледника, я повернулъ вѣво, на горы, образующія правый склонъ долины Бу-Ольгена. Этотъ склонъ состоялъ изъ покрытыхъ мелкой травой откосовъ, чередующихся съ черными скалами аспиднаго сланца. Пробираясь здѣсь, я увидѣлъ двухъ сернъ, которыхъ были шаговъ на 400 ниже меня. Вѣроятно, почувствовавъ опасность, они спустились въ балку; но я, зная, что серны въ подобныхъ случаяхъ всегда уходятъ вверхъ, пробрался къ верховью балки, где и засталъ ихъ, медленно взиравшимися на скалы. Они были отъ меня шагахъ въ 120; я проворно прицѣлился изъ винтовки въ одну изъ нихъ и выстрѣлилъ; серна сдѣлала нѣсколько прыжковъ и упала: пуля пробила ей насѣвомъ грудь.

Пробывъ въ истокахъ Бу-Ольгена болѣе двухъ сутокъ, мы отправились къ верховьямъ самой Теберды. Замѣчательную перемѣну представляетъ Теберда выше владенія въ нее Бу-Ольгена. Изъ бѣшеной, пѣнящейся горной рѣчки она превращается въ тихую, спокойную рѣчку, текущую по сравнительно просторной долинѣ, почти лишенной лѣса и богатой прекрасными альпійскими паст-

бищами. Только съ правой стороны здесь есть широкія полосы совершенно безжизненныхъ каменныхъ осьпей и наносовъ. Въ этомъ-же мѣстѣ, на берегу Теберды, находится необыкновенно красивое, маленькое озерцо. Оно расположено на высотѣ около шести тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря и имѣть столь прозрачную и чистую воду, что на днѣ его видѣнъ каждый камешекъ. Еще болѣе замѣчательно это озерцо по необыкновенно темному цвѣту воды, который лучше всего можно сравнить съ цвѣтомъ дубовыхъ листьевъ. Озерцо окружаютъ со всѣхъ сторонъ прекрасные альпійские луга, а твердые, каменистые берега его обнесены почти сплошной стѣной высокихъ травянистыхъ растеній. Рыбы въ немъ, кажется, нѣтъ вовсе.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ озера находятся истоки Теберды. Она вытекаетъ многими мутными потоками изъ довольно значительного глетчера. Къ сожалѣнію, большую часть его намъ удалось видѣть только издали, такъ-какъ во все время нашего пребыванія въ верховьяхъ Теберды то шелъ дождь, то стоялъ такой густой туманъ, что предпринять восхожденіе на ледникъ не было никакой возможности. Когда мы ёхали по долинѣ, недалеко отъ озера, то Тебердинскій ледникъ показался мнѣ довольно широкимъ и длиннымъ, съ боковъ его лежали значительныя морены, а поверхность была покрыта множествомъ извилистыхъ грязевыхъ полосъ. Нужно замѣтить, что этотъ ледникъ очень доступенъ и черезъ него проходитъ путь изъ Тебердинской долины на южный склонъ Кавказскаго хребта, къ верховьямъ Елыча и далѣе на Кадоръ. По этой дорогѣ горцы часто гонаютъ своихъ лошадей и рогатый скотъ въ Сухумъ для продажи.

Не дождавшись хорошей погоды, мы рѣшили оставить верховья Теберды. Нашъ обратный путь ничего особенного не представлялъ. Придерживаясь все время праваго берега рѣки, мы верстахъ въ десяти отъ Тебердинского аула ветрѣтили еще одно красивое озерцо. Оно находилось въ хвойномъ лѣсу, на днѣ глубокаго ущелья и со всѣхъ сторонъ было окружено огромными соснами. Вода въ немъ не такъ чиста, какъ въ первомъ, и имѣть свѣтло-зеленый цвѣтъ, а берега окаймлены различными водяными растеніями. На поверхности озера плавали крупные, блестящіе листья кувшинки (*Nuphar luteum*).

II.

Долина реки Маруха.

Река Маруха.—Подъем на Ажумга.—Спуск.—Растительность и животные.—Водопады.—Истоки реки.—Марухский ледникъ.

Слѣдующая наша поѣздка была къ верховьямъ реки Маруха. Часовъ въ 12 дня мы выѣхали изъ станицы Кордоницкой, составляющей послѣдній населенный пунктъ, за которымъ слѣдуютъ горы, лѣса, скалы и пастбища, изобилующіе различного рода звѣрами, но только въ лѣтнее время посѣщаемые человѣкомъ. Переbrавшись черезъ Аксаутъ *) и проѣхавъ нѣсколько верстъ по лѣвому берегу Маруха, мы добрались до брошенного греческаго поселка. Греки пріютились здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но почти ежедневные дожди въ маѣ, іюнѣ, а перѣдко и въ юлѣ заливали ихъ хлѣба и совершенно мѣшали косить траву. Кромѣ того, значительный вредъ полямъ наносили дикие кабаны, которые цѣлыми стадами являлись ночью на поля и истребляли все посѣянное. Въ особенности страдала отъ нихъ кукуруза. Высокие, густые буряны, которые можно было уничтожить только продолжительнымъ, упорнымъ трудомъ, также сильно мѣшали хлѣбопашству. Всѣ эти невзгоды заставили переселенцевъ бросить свою колонію и искать счастія въ другихъ мѣстахъ.

Немногій выше поселка долина Маруха становится очень узкой, а еще дальше превращается въ тѣсное, скалистое ущелье, по которому едва-ли можно проѣхать; поэтому, оставивъ поселокъ позади себя, мы повернули вправо и начали подниматься на горы по дорогѣ къ урочищу Ажумга (на пятиверстной карте Кавказа названо Ажамгуа). Подъемъ этотъ не особенно крутъ, но тянется цѣлыхъ 18 верстъ. Мыѣхали по нему ровно три часа. Здѣсь извивалась заросшая травой дорожка, которая была проложена во время послѣдней турецкой кампаниіи; по ней шелъ отрядъ генерала Бабича къ верховьямъ Маруха и далѣе черезъ Кавказскій хребетъ въ Сухумъ. Эта дорога до самого Ажумга тянется

*) Аксаутъ и Маруха, сливаясь другъ съ другомъ, образуютъ Малый Зеленчукъ.

по гребню хребта, раздѣляющаго долины Маруха и Большого Зеленчука, и на всемъ протяженіи усыпана плитками аспиднаго сланца и угловатыми кусочками песчаника. Почти всюду по обѣимъ сторонамъ ея разстилались прекрасные альпійскіе луга, покрытые высокой, зеленої, свѣжей травой, перемѣшанной со множествомъ красивыхъ цвѣтовъ. Во время нашего пребыванія здѣсь цвѣло множество гераней, генцанъ, колокольчиковъ (*Campanula Adami M. B.*), лютиковъ, кромѣ того *Acconitum*, *Astrantia major*, *Veratrum* и *Carduus nutans* съ большими повисшими головками великолѣпнаго красно-фіолетового цвѣта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ самой дорогѣ подступаютъ лѣса, на опушкѣ которыхъ растеть много малины. Высокіе, кустистые стебли ея были буквально уни-
заны крупными, сочными и очень вкусными ягодами. Вдали, по обѣимъ сторонамъ дороги, тянулись глубокія, лѣсистыя балки; одинъ изъ нихъ спускались къ Зеленчуку, а другія къ Маруху. Лѣса, покрывающіе ихъ, состоять изъ бук, березы, дуба, рабинъ, клёна съ красивыми красными летучками (*Acer Trautfeteri*) и орѣшника. Недалеко отъ уроцища Ажумга все чаще и чаще стала попадаться сосна. Чѣмъ касается животнаго міра, то въ лѣсахъ мы видѣли зябликовъ, синицъ (*Parus major*) и крапивниковъ (*Troglodytes parvulus*), а на лугахъ—горныхъ овсянокъ (*Hylaeospiza sia L.*), луговыхъ чекановъ (*Pratincola rubetra*) и нѣсколькоихъ кобчиковъ (*Erythropus vespertinus*).

Погода въ этотъ день намъ не особенно благопріятствовала. Еще съ утра отдѣльные клочки облаковъ медленно, какъ будто бы нехотя, переползали съ одной горы на другую, цѣпляясь за болѣе высокіе гребни ихъ. Къ полдню большая часть горъ была уже окутана густымъ сѣрымъ покрываломъ, а когда мы находились на половинѣ подъема, то облака окружили со всѣхъ сторонъ и насъ. Однако, въ то время, когда намъ оставалось около полуверсты до Ажумга, они снова разсѣялись, какъ будто бы желая доставить намъ удовольствіе полюбоваться заходомъ солнца. Мы были въ это время на высотѣ тысячъ восьми футовъ; небо въ томъ мѣстѣ, где заходило солнце, окрасилось въ свѣтлорозовый цвѣтъ, который вверху, постепенно блѣднѣя, переходилъ въ необыкновенно пріятный для глазъ зеленовато-голубой. Вѣроятно, интенсивности этихъ отблѣковъ не мало содѣйствовала и физиологическая особенность глаза, составляющая причину такъ называемыхъ субъективныхъ или дополнительныхъ цвѣтовъ. Лѣса и скалы, освѣщенные послѣдними лучами заходящаго солнца,

тоже выглядывали гораздо веселье и красивъе, чѣмъ обыкновенно.

Проехавъ урочище Ажумга, мы должны были снова спуститься къ Маруху и, придерживаясь его береговъ, добраться до подножья Главнаго хребта. Спускъ былъ очень круты и тянулся сначала по открытой мѣстности, а потомъ по лѣсу. Этотъ послѣдній состоять изъ сосенъ отъ одного до полутора обхватовъ толщины; только изрѣдка попадаются деревья около двухъ обхватовъ. Между сосновами растутъ березы и очень рѣдко ель. Въ этомъ лѣсу, какъ и во всѣхъ, къ которымъ доступъ затруднителенъ, на землѣ валяется множество деревьевъ, поваленныхъ бурей или упавшихъ отъ старости. Нѣкоторые изъ нихъ еще свѣжи и могли бы быть употреблены въ дѣло, другія почти совершенно скнили и разсыпались. Дорога по лѣсу проложена зигзагами, чтѣ значительно уменьшаетъ крутизну спуска. Во время войны по ней ходили арбы съ провиантомъ для войскъ. На спускъ мы употребили почти полтора часа и большую часть его прошли пѣшкомъ.

Не добѣжавъ верстъ двухъ до берега Маруха, мы остановились на почлегъ около чистаго горнаго ручья, тотчасъ-же развели большой костеръ и занялись жаренiemъ шашлыка и приготовлениемъ чая. Дождь, однако, помѣшалъ намъ провести вечеръ въ благодушномъ настроеніи. Онъ продолжался за полночь и мы должны были спать на совершенно мокрой землѣ, накрывшись только бурками.

Въ пять часовъ утра мы снова двинулись въ путь и черезъ полчаса достигли береговъ Маруха. Здѣсь долина его значительно расширилась и образовала по обѣимъ сторонамъ рѣки почти ровную площадь, шириной въ полверсты или даже болѣе. Она всюду покрыта хорошей травой, и потому очень пригодна для пастбищ скота. По обѣимъ сторонамъ ея, на склонахъ горъ, ограничивающихъ долину съ боковъ, тянутся лѣса. Начиная отсюда, долина остается болѣе или менѣе широкой до самаго подножья Главнаго хребта. Только мѣстахъ въ двухъ, и то на небольшомъ пространствѣ, она замѣтно суживается и лѣса подступаютъ къ самой рѣчкѣ. Луга здѣсь украшены множествомъ цветовъ. Кромѣ различныхъ злаковъ, растутъ: клеверъ съ бѣлыми и розовыми головками, много незабудокъ, обыкновенная крапива (*Urtica dioica*), яснотка (*Lamium album*), *Echium vulgare*, *Polygonum bistorta*, *Achilea millefolium*, скабиозы съ бѣлыми и голубыми цветами (*Scabiosa sp?* и *Sc. caucasica M. B.*), *Anthemis nobilis*, *Gladiolus*,

Gentiana, а изъ кустарниковъ — лоза и карликовый можжевельникъ. Береза и сосна точно также, какъ и всѣ упомянутыя травянистые растенія доходятъ до самаго Марухскаго ледника. Елей въ этой долинѣ почти нѣть: на всемъ пути мы встрѣтили ихъ не болѣе 5 или 6 штукъ, хотя, конечно, нѣкоторыя изъ нихъ остались незамѣченными. Да и вообще лѣсовъ здѣсь не такъ много; въ этомъ отношеніи Марухская долина рѣзко отличается отъ Тебердинской, хотя отстоитъ отъ нея всего на 15 или 20 верстъ; за то Марухская долина, какъ уже было замѣчено, богата хорошими пастбищами. Мы разсказывали, что здѣсь очень много звѣрей и это, какъ кажется, справедливо. Пройдя по полянамъ, мы видѣли много бѣлозобыхъ дроздовъ (*Merula torquata*), дерябъ (*Turdus viscivorus*), одного орлана (*Haliaetus albicilla* L.), сидѣвшаго на камнѣ, недалеко отъ рѣчки, и на опушкѣ лѣса медведя, который, замѣтивъ насъ, тотчасъ-же скрылся въ чащѣ.

Въ четырехъ часахъ пути отъ Главнаго хребта на рѣкѣ Марухѣ находится замѣчательный водопадъ. Рѣка, имѣющая здѣсь довольно порядочные размѣры, быстро суживается и превращается въ стремину, стѣсненную съ боковъ отвесными скалами изъ зеленоватой кварцевой породы и имѣющую въ ширину не болѣе $4\frac{1}{2}$ аршинъ.

Вся рѣка падаетъ съ высоты сажень двухъ въ глубокую яму, со дна которой торчатъ еще двѣ черныя скалы. Съ правой стороны рѣки, надъ самыми водопадомъ, возвышается отвесная стѣна; лежа на ней, можно сѣсться надъ водопадомъ и имѣть передъ глазами замѣчательную картину. Вода, низвергаясь въ яму и ударяясь о скалы, торчащиа изъ самаго омута, бушуетъ и кипитъ съ ужасной силой; кроме того, высокіе, покрытые пѣной, водяные валы, быстро стремящіеся внизъ, встрѣчаются острый выступъ скалы съ лѣвой стороны водопада и разбиваются на мелкія брызги. Въ этихъ послѣднихъ, также какъ и въ тѣхъ, которыхъ разлетаются въ стороны отъ скаль, торчащихъ со дна пропасти, видна красавая радуга. Вокругъ водопада, по обѣимъ сторонамъ Маруха, растутъ сосны довольно порядочныхъ размѣровъ, а ниже его рѣка тотчасъ расширяется, и здѣсь на песчаныхъ отмеляхъ ея набросано много щепъ, кусковъ коры и обломковъ сосновыхъ стволовъ. Очевидно, они пропутешествовали черезъ водопадъ и потомъ были выброшены водою на берегъ. Чтобы испытать, что сдѣлается съ деревомъ, когда оно попадетъ въ эту пучину, мы попробовали бросить въ рѣку выше водопада нѣсколько довольно-

большихъ сосенъ, лежавшихъ на берегу. Приблизившись къ водопаду, онъ скрывались въ волнахъ, а черезъ нѣсколько секундъ только куски ихъ, аршина въ полтора или два длиною, всплыли на поверхность воды, гдѣ теченіе ея было не такъ быстро.

Верстахъ въ семи отъ истоковъ Маруха мы увидѣли нѣсколько балагановъ, расположенныхъ на небольшомъ пространствѣ; два изъ нихъ были сдѣланы особенно хорошо и напоминали маленькие дачные домики. Они были построены казаками, которые стояли здѣсь во время турецкой войны и оберегали Марухскій переваль. Лучшіе балаганы служили для помѣщенія офицеровъ.

Сидя подъ тѣнью сосны, у стѣны одного изъ балагановъ, мы видѣли, какъ съ праваго склона долины сошли внизъ, къ Маруху, два большихъ оленя съ огромными вѣтвистыми рогами. Одинъ изъ бывшихъ съ нами горцевъ, вооружившись винтовкой, отправился за ними, но олени замѣтили его и бросились бѣжать. Одинъ изъ нихъ перебрался на другой берегъ рѣки и пронесся, шагахъ въ семистахъ отъ насть, внизъ по долинѣ, а другой ушелъ вверхъ.

Около балагановъ растетъ много довольно большихъ сосенъ, выше-же этого мѣста долина Маруха становилась безлѣсной. Впрочемъ, низкорослые березы и сосны, а также верески и можжевельники встрѣчались и здѣсь въ изрядномъ количествѣ, но настоящихъ деревьевъ уже не было вовсе. Кромѣ отсутствія лѣсовъ, и въ другихъ отношеніяхъ долина Маруха принимаетъ иной видъ. Теченіе рѣки дѣлается гораздо медленнѣе, почти вездѣ она разбивается на множество потоковъ, которые заливаютъ нижнюю часть долины, образуя нѣчто въ родѣ болотъ. Вода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ течетъ такъ тихо, что ее можно даже принять за стоячую; кромѣ того, она мутна, непрозрачна и имѣть блѣдоватый цвѣтъ, какъ сильно разбавленное молоко. Во время войны арабная дорога была проложена до балагановъ, дальше-же ходили только выюки по узкимъ тропинкамъ; теперь и намъ пришлось пробираться по нимъ.

Несмотря на то, что эта часть долины находится на высотѣ отъ 6.000 до 6.500 ф. и лишена крупнаго лѣса, въ ней скрывается много кабановъ. Проѣзжая здѣсь, мы чуть не на каждомъ шагу видѣли слѣды ихъ пребыванія въ видѣ взрытой почвы и множества экспериментовъ. Даже не болѣе какъ въ пяти верстахъ отъ ледника кабаны бродятъ очень часто.

Въ полдень мы достигли самаго верховья Маруха и, следовательно, подножья Главнаго хребта. Съ южной стороны долина

здесь замыкалась высокими горами, заваленными огромными массами снѣга, а на юго-западѣ находился Марухскій глетчеръ. У нижняго конца его также были нагромождены большиe сугробы снѣга, который, безъ сомнѣнія, въ видѣ лавинъ свалился сюда съ высокихъ сосѣднихъ горъ. Рѣка Марухъ здѣсь образуетъ еще водопадъ. Мѣсто, где онъ находится, было завалено лавиной, но вода, промывъ въ ней тоннель, низвергается въ прошастъ, дно которой нельзѧ было видѣть по причинѣ темноты, наполнившей ее. Сильный шумъ воды показываетъ, однако, что здѣсь высота паденія также не малая. Пройдя подъ снѣгомъ сажень 20 или 30, рѣка снова выходитъ на свѣтъ. Само собою разумѣется, что въ другое время водопадъ остается совершенно открытымъ.

Осмотрѣвъ эту мѣстность, мы направились къ леднику. По пути къ нему лежало нѣсколько снежныхъ лавинъ, свалившихся, вѣроятно, еще весною.

Переходъ черезъ нихъ не былъ вполнѣ безопаснъ, такъ-какъ подъ ними въ разныхъ направленіяхъ протекали большиe бурные потоки, отъ сравнительно теплой воды которыхъ снѣгъ сильно таялъ, вслѣдствіе чего въ немъ образовались просторныe пещеры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своды ихъ такъ сильно приближались къ поверхности лавинъ, что обрушивались сами собою. Разумѣется, еще скорѣе они могли обваливаться въ то время, когда по нимъ проходилъ человѣкъ. Кромѣ лавинъ, мы должны были перебраться черезъ конечную морену ледника. Это было хотя и не легко, но совершенно безопасно. Не опасенъ былъ подъемъ и на самый глетчеръ.

Ледникъ Маруха, вѣроятно, самый большой изъ всѣхъ, находящихся въ Кубанской области. Въ полтора часа я прошелъ около половины его, поэтому думаю, что весь онъ имѣть отъ 5 до 7 верстъ въ длину. Такимъ образомъ, въ отношеніи длины онъ сильно уступаетъ наибольшимъ ледникамъ Терской области, напр., ледникамъ Бизинги и Карагоми; за то ширина его довольно значительна: въ разстояніи версты отъ конца глетчера, я перешелъ его съ цѣлью измѣрить ширину и нашелъ, что она равняется 1.200 шагамъ; въ другихъ-же мѣстахъ, я думаю, она имѣть не менѣе версты. Съ боковъ ледника лежать большиe морены, судя по положенію и величинѣ которыхъ, безошибочно можно сказать, что въ прежнія времена Марухскій ледникъ имѣть значительно большиe размѣры. Эти морены состоять изъ мелкаго щебня и обломковъ горныхъ породъ: сѣраго гранита, гнейса, шифера, про-

питанного солями желѣза, порфира и кварца различныхъ цвѣтовъ. Часто попадаются, между прочимъ, куски красиваго молочнаго кварца. Изъ тѣхъ-же породъ и минераловъ состоять и всѣ скалы Главнаго хребта.

Съ правой стороны ледника морены тянутся въ нѣсколько параллельныхъ рядовъ, образуя гряды сажень въ десять высоты. Поверхность ледника довольно чистая и относительно ровная, хотя и пересѣкается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубокими трещинами. Онъ, какъ и на всѣхъ ледникахъ, очень красивы и имѣютъ скользкія, отвѣсныя, полупрозрачныя, зеленовато-голубыя стѣны.

О степени доступности Марухскаго ледника можно судить по тому, что въ 1877 году по его поверхности шель на переваль отрядъ генерала Бабича вмѣстѣ съ горной артиллерией, и множество казачьихъ лошадей. Впрочемъ, смотря на горы, черезъ которыхъ перебрались наши войска, притомъ вмѣстѣ съ артиллерией, нельзя было не удивляться ихъ мужеству. Взойти на ледникъ и идти по нему было еще не трудно, но дальше, какъ люди, такъ и лошади должны были повернуть подъ прямымъ угломъ вправо и взбираться по крутыму снѣжному откосу, съ одной стороны которого поднимались стѣною зубчатыя вершины Главнаго хребта, а съ другой—зияла прошастъ. Здѣсь, какъ рассказывали мнѣ очевидцы, погибло много лошадей: поскользнувшись и не имѣя возможности удержаться на крутомъ косогорѣ, покрытомъ снѣгомъ, несчастныя животные скатывались внизъ и убивались о скалы. По этому косогору нужно было пройти, вѣроятно, не менѣе verstы, а за нимъ слѣдовали еще огромныя снѣжныя поля съ трещинами и ямами, представлявшими также не малыя затрудненія.

III.

Верховья Урупа и Лабы.

Кувшинскій аулъ. — Проводникъ Бита-Гхухау. — Дорога отъ Передовой до Преградной. — Кувшинское ущелье и гора Баранаха. — Обильные дожди. — Йса. — Гора Беденъ. — Видъ на Лабу. — Тетерева и грифы. — Абазинскіе пастухи. — Западный конецъ хребта Абишира-Ахуба. — Лада-вада. — Кошь охотника. — Шантадара. — Верховья Урупа.

Въ верховьяхъ Лабы находится замѣчательная во многихъ отношеніяхъ долина Загданъ. Добраться до нея можно только по

едва замѣтнымъ и нерѣдко очень плохимъ горнымъ тропинкамъ; вслѣдствіе этого люди заходить въ нее рѣдко, и она представляетъ вполнѣ дѣственную, нетронутую рукой человѣка природу, гдѣ еще до-сихъ-поръ стоять дремучіе лѣса, наполненные различными дикими животными, и во многихъ мѣстахъ которыхъ еще ни разу не ступала нога человѣка и не раздавался стукъ топора. Здѣсь, какъ мы увидимъ ниже, и теперь живутъ бобры (*Castor fiber*), почти всюду истребленный зубръ и множество другихъ звѣрей. Мнѣ хотѣлось побывать въ Загданѣ, какъ мѣстѣ наиболѣе интересномъ въ зоологическомъ отношеніи. Здѣсь я надѣялся встрѣтить туровъ, сернъ, оленей, горныхъ тетеревовъ, а, пожалуй, и зубровъ или бобровъ.

Чтобы найти хорошаго проводника, я вмѣстѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ отправился въ Куввинскій ауль. Онъ стоять на правомъ берегу Большаго Зеленчука и населенъ абазинцами, которые до покоренія Кавказа жили въ верховьяхъ Урупа и Лабы, да и теперь ежегодно отправляются въ тѣ мѣста — лѣтомъ пасти скотъ, а зимою на звѣриный промыселъ.

Само собою разумѣется, что какъ долина Загданъ, такъ и вся пограничная съ нею мѣста извѣстны имъ прекрасно; это и заставило меня искать проводника именно изъ куввинцевъ.

Пріѣхавъ въ ауль, я остановился у старшины Зурумова. Онъ вмѣстѣ съ своими братьями уже нѣсколько лѣтъ откупаетъ пастбища въ верховьяхъ только что упомянутыхъ рѣкъ, пасеть тамъ свой табунъ и отдаеть участки другимъ, получая извѣстную плату за каждого барана, быка или лошадь. Хотя Зурумовы люди далеко не бѣдные, но кунацкая ихъ отвратительна. Пауковъ, лже-скorpionовъ (*Chelifer sanguroides*), мокрицъ, блохъ, клоповъ и разныхъ другихъ насѣкомыхъ въ ней было такое изобиліе, что собиратель коллекцій, вѣроятно, не безъ пользы могъ-бы пробыть здѣсь нѣкоторое время. Я говорю это потому, что, дѣйствительно, встрѣтилъ здѣсь такихъ насѣкомыхъ, которыхъ прежде мнѣ не попадались вовсе, хотя я занимался сбираніемъ ихъ нѣсколько лѣтъ. Между прочимъ, мнѣ бросились въ глаза большія насѣкомыя съ длинными клемшами и, формою тѣла, напоминающія водяного скorpionа (*Nepa cinerea*). Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось ихъ поймать. Чтобы не быть заѣденнымъ клопами, я долженъ былъ спать на полу, подостлавъ свою бурку. За то за чаемъ мы видѣли передъ собою серебряный чайникъ, серебряные ложечки и высеребренный подносъ.

Нашъ пріездъ не могъ, конечно, порадовать Зурумова, тѣмъ болѣе, что тогда была ураза, во время которой магометане старайтесь по возможности больше спать днемъ и бодрствуютъ, подобно совамъ, ночью; но какъ старшина аула или даже просто въ силу обычая Зурумовъ долженъ-быть въ отношеніи нась — гостей — болѣе или менѣе внимательнымъ. На дѣлѣ, однако, этого не оказалось. Я, напр., нѣсколько разъ просилъ его пріскать намъ за извѣстную плату проводника и лошадей, но онъ, какъ кажется, пропускалъ это мимо ушей. Когда, наконецъ, я показалъ ему открытые листы, которыхъ у меня былъ порядочный запасъ, и объявилъ, что буду жаловаться на него, если въ тотъ-же день не будутъ исполнены мои требованія, то онъ сталъ гораздо внимательнѣе и очень скоро отыскалъ какъ лошадей, такъ и проводника. Подобную грубость и невнимательность рѣдко можно встрѣтить въ средѣ горцевъ, но часто — среди магометанъ, переселенныхъ изъ горныхъ трущобъ на плоскость и уже успѣвшихъ вкусить плоды цивилизациі.

Въ проводники къ намъ былъ назначенъ хороший охотникъ и человѣкъ вообще бывалый. Сильно разрубленный шашкою лобъ и прострѣленная рука свидѣтельствовали о томъ, что онъ былъ не чуждъ всевозможныхъ передрягъ, начиная отъ сопряженныхъ съ простымъ похищеніемъ барановъ или лошадей и оканчивая разбоемъ и грабежомъ. Конечно, все это совершалось во дни его юности, а не теперь, когда ему уже за сорокъ лѣтъ. Эвали его Быта-Гхухау. Съ нимъ-то я и отправился къ верховьямъ Урупа и Лабы. Проводникъ онъ былъ хороший, но, къ сожалѣнію, плохо говорилъ по-русски.

Вечеромъ на второй день послѣ пріезда въ Куввинскій ауль мы втроемъ отправились въ дальнѣйшій путь и, перебравшись черезъ невысокій, плоскій на верху хребеть, раздѣляющій долины Большого Зеленчука и Урупа, добрались въ сумерки до станицы Удобной, стоящей на Урупѣ, а потомъ и Передовой.

Здѣсь мы осмотрѣли небольшой, но хорошо устроенный, по системѣ Верещагина, сыроваренный заводъ. Какъ этотъ, такъ и еще нѣсколько подобныхъ ему построены по инициативѣ уѣзднаго начальника Ф. А. Кузовлева. На нихъ приготовляется хороший сырь. Странно, что на него получались заказы изъ Англіи, а на Кавказѣ онъ почти неизвѣстенъ въ продажѣ.

Изъ Передовой мы должны были ехать на Преградную, къ которой ведутъ двѣ дороги: одна по Урупскому ущелью, вдоль бе-

рековъ Уруна, а другая по рѣкѣ Куввѣ, черезъ высокую гору Баанаху. Первая дорога короче, безъ крутыхъ спусковъ и подъемовъ, но за то 9 или 10 разъ переходить съ одного берега реки на другой. Такъ-какъ мостовъ здѣсь нѣть, то приходится перебѣжать Уругъ вбродъ. Дорога по Куввѣ имѣеть другое неудобство. По ней нужно подняться чуть не до вершины Баанахи (5.589 ф.) и снова спуститься къ Урупу, на лѣвомъ берегу которого расположена станица Преградная; кроме того, эта дорога на значительномъ протяженіи тянется по густому лѣсу, то по грязи, то по скаламъ. Мы, однако, должны были отдать предпочтеніе именно ей, такъ-какъ во время нашего пребыванія въ Удобной и Передовой въ горахъ шли дожди, вслѣдствіе чего Урупъ сильно разлился, и перебѣжать черезъ него было опасно.

Кувва — небольшая рѣчка, впадающая въ Урупъ съ правой стороны. Она течетъ по очень красивой, извилистой долинѣ, которая въ низовьяхъ довольно широка и окружена пологими склонами, а дальше превращается въ глубокое ущелье, развѣтвляющееся на множество отдельныхъ балокъ; они покрыты внизу густымъ дубовымъ лѣсомъ, а выше смѣшаннымъ, состоящимъ изъ чинара, вяза, березы, орѣшика и клёна; изрѣдка попадается еще ясень. Этотъ лѣсъ настолько крупенъ, что деревья обхватываютъ въ $2\frac{1}{2}$ въ немъ встрѣчаются очень часто. Травянистые растенія какъ въ лѣсу, такъ и на его полянахъ настолько многочисленны и разнообразны, что перечислить ихъ нѣть возможности. Величиной и яркой окраской цветовъ болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе: *Betonica grandiflora*, *Digitalis grandiflora* All., *Geranium sanguineum*, *Acconitum orientale* Mill., *Veratrum album*, *Astrantia helleborifolia*, A. *Biebersteinii* Traut. и нѣсколько видовъ *Campanula* съ огромными синими колокольчиками. Куввинское ущелье приобрѣло хорошую репутацію и у охотниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, глубокія, тѣнистые, обильные ручьями и родниками балки его даютъ убѣжище огромному количеству дикихъ кабановъ, медведей, козъ, оленей и волковъ. Поднимаясь на Баанаху и проѣзжая черезъ многія поляны, мы встрѣчали слѣды медведей чуть не на каждомъ шагу; часто попадались и слѣды свиней; что-же касается птицъ, то изъ нихъ въ нижней части долины мы видѣли много ветюшней (*Palumbus torquatus*), одного аиста (*Ciconia nigra*), нѣсколько красногрудокъ (*Ruttrhula erythrina*), а въ верхней — много орловъ и нѣсколько дятловъ.

Необыкновенно красива самая верхняя часть Куввинского

ущелья, находящаяся недалеко оть вершины Баранахи. Здѣсь надъ густымъ, крупнымъ лѣсомъ поднимаются отвесные скалы, аршинъ въ 200 высоты, расположенные то одинично, то группами. Плоскія вершины ихъ во многихъ мѣстахъ также покрыты лѣсомъ. Эти скалы составляютъ какъ-бы барьерь, окаймляющей вершину Баранахи почти со всѣхъ сторонъ и придающей ей въ высшей степени красивый и оригинальный видъ *).

Баранаха — это одна изъ вершинъ того хребта, который въ географіи известенъ подъ именемъ Черныхъ горъ. Этотъ хребетъ изъ Терской области переходитъ въ Кубанскую и тянется почти параллельно Главному Кавказскому хребту, отстоя отъ него верстъ на тридцать. Черные горы во многихъ мѣстахъ прорѣзываются глубокими ущельями, образующими какъ-бы ворота, черезъ которыхъ прорываются Кубань и главнѣйшіе ея притоки: Малый Зеленчукъ, Большой Зеленчукъ, Урупъ, Большая Лаба, Малая Лаба, Бѣлая и т. д. Этотъ хребетъ представляетъ, слѣдовательно, рядъ громадныхъ выступовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга долинами названныхъ рѣкъ. Такимъ образомъ, между Кубанью и Малымъ Зеленчукомъ выступаетъ гора Джангура, между Малымъ Зеленчукомъ и Большимъ — Джица (на картѣ Тисса 5.284 фут.), между Большимъ Зеленчукомъ и Урупомъ — Баранаха (5.589 ф.), между Урупомъ и Лабой — Шелохъ (5.527 ф.) и т. д. Всѣ эти горы поднимались, безъ сомнѣнія, гораздо позднѣе Главнаго хребта, именно въ то время, когда Кубань и ея притоки уже существовали; иначе упомянутыя рѣки не могли бы промыть себѣ ложе черезъ горы и направились-бы вдоль ихъ подошвы. Позднѣйшее происхожденіе Черныхъ горъ подтверждается и геологическимъ строениемъ ихъ. Всѣ они на сѣверъ склоняются, сравнительно, полого, а на югъ очень круто, въ особенности вблизи вершинъ. Свое название они получили оттого, что совершенно лишены вѣчныхъ снѣговъ.

Еще утромъ, когда мы только выѣхали изъ Передовой, небо было затянуто густыми, свинцово-серыми облаками, которые къ полдню сдѣлялись значительно гуще и покрыли вершины ближайшихъ горъ. При подъемѣ на Баранаху насы смочить дождь, а недалеко оть вершины ея мы вступили въ облака, которые скрыли отъ нашихъ взоровъ всѣ предметы, за исключеніемъ самыхъ близкихъ. Бхать при такихъ условіяхъ было крайне непрѣятно, да и

*) Съ южной стороны Баранаха почти безлѣсна и не такъ красива.

легко можно сбиться съ дороги. Впрочемъ, къ нашему удовольствію, вѣтеръ скоро разогналъ облака и далъ намъ возможность снова видѣть все на цѣлые десятки верстъ.

На спускъ съ Баранахъ потребовалось тоже не мало времени. Тропинка здѣсь тянулась сначала лѣсомъ и полянами, а потомъ вышла на открытую мѣстность, гдѣ жители станицы Преградной ежегодно косятъ сѣно. Трава здѣсь не чистая, перемѣшанная съ бурьяномъ, который во многихъ мѣстахъ достигаетъ такой высоты, что скрываетъ человѣка, сидящаго на лошади. Въ немъ лѣтомъ по преимуществу укрываются дикия козы, а иногда и олени. Густой бурьянъ доставляетъ имъ очень надежное убѣжище отъ преслѣдований человѣка, а главное отъ мухъ, которыми кишатъ всѣ предгорья Кавказа.

Нѣсколько ниже покосныхъ мѣсть находятся хлѣбныя поля, но дожди, идущіе здѣсь почти ежедневно въ маѣ, іюнѣ и іюль, сильно мѣшаютъ какъ покосу, такъ и уборку хлѣбовъ. Жители Преградной рассказываютъ, что въ іюнѣ, какъ будто бы на зло имъ, по нѣсколько разъ въ день то идетъ дождь, то припариваетъ солнце; черезъ это склоненная трава въ первые же дни два чернѣеть, а затѣмъ начинаетъ быстро гнить. Преградненцы считаютъ себя счастливыми, если въ покосное время хорошая погода простоять днѣ четыре сряду. Вслѣдствіе такихъ неблагопріятныхъ для хлѣбопашства условій, жители Преградной, какъ заявлялъ мнѣ ихъ станичный атаманъ; съ большой радостью выселились-бы отсюда, если-бы это было имъ разрѣшено. Примѣры переселенія цѣлыхъ станицъ уже известны въ Кубанской области. Верстахъ въ двадцати къ западу отъ Преградной, у берега Лабы, на высотѣ 2.750 ф. надъ уровнемъ моря, стояла станица Псеменовская. Она была окружена лѣсомъ почти со всѣхъ сторонъ и страдала отъ дождей еще больше, чѣмъ Преградная. Жители ея, получивъ позволеніе переселиться, ушли всѣ поголовно и приписались къ другимъ станицамъ Кубанскаго войска *).

*) По предгорьямъ Кавказа, въ мѣстахъ, лежащихъ на высотѣ отъ 2.000 до 2.500 футовъ надъ уровнемъ моря, выпадаетъ дождь гораздо больши, чѣмъ въ горахъ, на значительныхъ высотахъ. Такимъ образомъ, станицы, расположенные у подножья горъ (Кордонская, Зеленчукская, Сторожевая, Баговская и поселокъ Псебай), страдаютъ отъ дождя несравненно сильнѣе, чѣмъ аулы, находящіеся въ горахъ, на высотѣ отъ 4 до 6 тысячъ футовъ. Офицеры Севастопольского полка, долгое время стоявшаго въ Псебаѣ, потому и прозвали Псебай штабъ-квартирой

Спустившись съ Баранахи, мы должны были передъ станицией Преградной пройхать около получаса вдоль берега Урупа. Съ лѣвой стороны дороги отвѣсной стѣной поднимались скалы, на уступахъ которыхъ расположилось цѣлое стадо громадныхъ бѣлоголовыхъ грифовъ (*Gyps fulvus Gm.*). Въ это время накрапывалъ дождь, да и дѣло клонилось къ вечеру; очевидно, грифы собирались сюда какъ для того, чтобы укрыться отъ дождя, такъ и на ночлегъ. Разстояніе до нихъ, повидимому, было не болѣе 150 или 170 шаговъ, поэтому я попробовалъ выстрѣлить изъ винтовки; но двѣ или три пули, выпущенные въ нихъ, не оказали ожидаемаго дѣствія. Вѣроятно, разстояніе до грифовъ было гораздо больше, чѣмъ я предполагалъ. Переочевавъ въ станицѣ Преградной, расположенной по лѣвой сторонѣ Урупа, мы утромъ на слѣдующій день отправились въ дикія, безлюдныя дебри горъ.

Вначалѣ нашъ путь направлялся почти прямо на западъ по пересѣченной продольной долинѣ, съ сѣверной стороны которой возвышался хребетъ Черныхъ горъ, а съ южной—продолженіе безчисленныхъ отроговъ Главнаго хребта. Мѣстность, по которой мыѣхали, была покрыта хорошей, высокой травой, а кое-гдѣ на ней находились влажныя котловины, заросшія болотными растеніями. Съ правой стороны, на склонахъ Черныхъ горъ, мѣстами виднѣлись не особенно большія, лѣсныя балки; чтѣ-же касается лѣвой, то на ней въ двухъ или трехъ верстахъ отъ насы начинались тѣ громадные, дремучіе лѣса, которые покрываютъ всѣ отроги главной Кавказской цѣпи горъ. Эти лѣса имѣютъ необыкновенно красивый видъ, такъ-какъ расположились не на ровной мѣстности, а по хребтамъ, раздѣленнымъ глубокими долинами и ущельями, пересѣкающимися во всевозможныхъ направленіяхъ. Вершины этихъ хребтовъ представляютъ то превосходныя пастища, то дикія, голыя скалы.

Лѣса тянутся широкой полосой на цѣлыхъ сотни верстъ, вдоль склоновъ Кавказскаго хребта. Вначалѣ они состоятъ изъ лиственныхъ породъ, а далѣе, на высотѣ около трехъ съ половиною тысячъ футовъ, лиственные деревья начинаютъ мало-по-малу уступать мѣсто хвойнымъ: сначала соснѣ (*Pinus sylvestris*), а потомъ ели и пихтѣ (*Abies Nordmaniana*).

дождя. Таково-же распределеніе дождей и въ Терской области. Въ Алагирѣ (почти 2.000 ф.), во Владикавказѣ дожди очень часты, а поля осеніть, живущихъ въ горахъ, на высотѣ отъ 5.000 до 7.000 ф., нерѣдко страдаютъ отъ засухъ.

Отъехавъ нѣсколько верстъ отъ станицы Преградной, мы повернули на ЮЗ. и, поднимаясь все выше и выше, достигли сѣверной окраины только что упомянутыхъ лѣсовъ. Они начались рѣдкими, но довольно крупными березами, которая мало-по-малу уступали свое мѣсто буку (чинарь, *Fagus sylvatica*). По густому лѣсу намъ пришлосьѣхать не долго, именно только перебраться черезъ 3 или 4 глубокія балки; дальше за ними слѣдовалаъ необыкновенно красивый крутой восточный, имѣющій сажень 200 въ ширину и покрытый изумрудно-зеленою травой. Сверху онъ окаймленъ рѣдкими, стройными, одиночно стоящими березами, а внизу густымъ чинаровымъ лѣсомъ, спускающимся въ глубокую балку. Какъ здѣсь, такъ и на прочихъ полянахъ мы встрѣчали безчисленное множество муравейниковъ, разрытыхъ медвѣжими лапами. Несчастныхъ муравьевъ буквально нѣть житья отъ медвѣдей. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ мѣстахъ какъ рѣдкость можно встрѣтить муравейникъ, не разрытый медвѣдемъ; но этого еще мало: разматривая землю, выброшенную изъ муравьевыхъ кучъ, нельзя не замѣтить, что каждая изъ нихъ въ теченіе короткаго времени была раззорена медвѣдемъ нѣсколько разъ. Вся жизнь муравьевъ здѣсь, вѣроятно, проходить въ исправленіи собственныхъ гнѣздъ. Безчисленные слѣды медвѣдей по травѣ и бурьяну также свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ множествѣ ихъ въ этихъ мѣстахъ. Въ лѣсу, на грязныхъ тропинкахъ, мы видѣли много слѣдовъ оленей и кабановъ; кромѣ того, вспугнули пару вальдшнеповъ.

Проехавъ нѣсколько полянъ, мы начали подниматься на крутую гору Бедень, которую видѣли еще съ Преградной. Высота ея, опредѣленная мною гипсометрически, равняется почти 5.550 футамъ. Вершина Беденя представляетъ округленный холмъ, который къ сѣверу спускается довольно полого, а къ югу очень круто. Такъ-какъ эта гора значительно возвышается надъ сосѣдними, то на ней всегда дуетъ вѣтеръ и бываетъ прохладно; поэтому на склонахъ, недалеко отъ вершины ея, во время дня часто отдыхаютъ серны и даже олени. Мы внимательно осмотрѣли всѣ удобныя для нихъ мѣста, но не нашли никакой дичи.

Гора Бедень возвышается на томъ хребтѣ, который раздѣляетъ долины Лабы и Урупа. Съ вершины ея открывается великолѣпный видъ на обѣ долины, въ особенности на первую. Лаба отстоитъ отъ вершины этой горы всего версты на 4 по горизонтальному направлению, но лежитъ ниже Беденя по-крайней-мѣре

на $2\frac{1}{2}$ тысячи футовъ. Берега Лабы, равно какъ и склоны ея узкой и глубокой долины, покрыты густымъ еловымъ лѣсомъ. Когдa, стоя на верху горы, смотришь на лѣсъ свѣ птичаго полета, то вмѣсто вѣковыхъ елей видишь только пирамидальныя верхушки ихъ; онѣ образуютъ превосходный темнозеленый покровъ, безчисленные зубцы и выступы котораго, соотвѣтствующіе отдѣльнымъ деревьямъ, одѣваютъ дно и всѣ склоны долины.

Спустившись съ вершины Беденя футовъ на 300, мы продолжали нашъ путь по самому гребню хребта, раздѣляющаго бассейны Урупа и Лабы. Этотъ гребень въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣть въ ширину лишь нѣсколько футовъ, причемъ по правую сторону отъ него тянутся балки къ Лабѣ, а по лѣвую — къ Урупу. На много верстъ наша тропинка тянулась по этому гребню, поднимаясь съ каждымъ шагомъ все выше и выше.

Когда мы отѣхали отъ горы Беденя версты двѣ, то нашъ проводникъ Быта увидѣлъ влѣво отъ дороги медвѣда. Онъ ходилъ по бурьяну внизу балки, недалеко отъ опушки лѣса и шагахъ въ 200 отъ насть. Прежде чѣмъ мы успѣли рѣшить, что предпринять противъ него, онъ почуялъ насть и неуклюжимъ галопомъ понесся къ лѣсу. Спустя нѣсколько секундъ, на противоположную сторону выскочилъ олень. Очевидно, медвѣдь наткнулся на оленя и вспугнулъ его.

Часахъ въ двухъ пути отъ Беденя находится другая высокая гора Нахширъ. Когда мы подѣжали къ ней, то нѣсколько разъ принимался идти дождь, а густыя облака, изъ которыхъ по временамъ раздавался сильный громъ, окружали насть почти все время. Особенно силенъ былъ одинъ ударъ. Молния блеснула какъ будто бы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насть и за нею тотчасъ послѣдовалъ страшный ударъ грома, сопровождавшійся многократнымъ эхомъ. Мы путешествовали какъ во тьмѣ до тѣхъ поръ, пока не проѣхали гору Нахширъ.

Недалеко отъ Нахшира я встрѣтилъ горныхъ тетеревовъ (*Tetrao Micosusewitzii*) и множество грифовъ. Одинъ тетеревъ взлетѣлъ изъ-подъ ногъ моей лошади и сѣлъ на березу, шагахъ въ 60 отъ насть. Я подошелъ къ самому дереву и долженъ былъ долго присматриваться, прежде чѣмъ замѣтилъ тетерева. Оказалось, что онъ сидѣлъ, прижавшись къ вѣткѣ, въ трехъ или четырехъ аршинахъ отъ меня. Конечно, я не упустилъ случая добыть относительно рѣдкую и мало известную птицу. Эта была старая самка. Что касается грифовъ, то большая часть ихъ принадлежала

къ виду бѣлоголовыхъ (Gyps fulvus Gm.), чернобурыхъ же (Vultur cinereus) было всего штука пять. Нѣкоторые изъ грифовъ уже расположились на почлегъ по засохшимъ верхушкамъ старыхъ сосенъ, причемъ нерѣдко двѣ или три штуки усаживались рядомъ на одномъ деревѣ. Болѣе десятка ихъ находилось на скалахъ и на землѣ около брошенного коша. Вѣроятно, ихъ привлекали сюда разныя нечистоты. Одинъ изъ нихъ, при нашемъ приближеніи, долго не хотѣлъ подняться и бѣжалъ по косогору такъ быстро, что издали его можно было принять за какого-нибудь звѣря. Хотя этихъ громадныхъ птицъ никто здѣсь не беспокоитъ, однако, онъ настолько остороженъ, что ни разу не подпустили насъ на выстrelъ.

Передъ вечеромъ мы приѣхали къ табуну Зурумова съ тѣмъ, чтобы здѣсь переночевать и сдѣлать днѣвку.

Въ этомъ мѣстѣ, на высотѣ почти 6.000 футовъ, былъ устроенъ балаганъ, въ которомъ жили два табунщика; недалеко отъ балагана ходилъ табунъ лошадей, штукъ въ пятьсотъ.

Остановиться у абазинскихъ пастуховъ не особенно удобно, такъ-какъ у нихъ, за исключеніемъ мяса, не достанешь ничего такого, чтѣ-бы можно было съѣсть съ удовольствиемъ. Въ этомъ отношеніи ихъ нельзя сравнить съ карачаевцами, чегемцами, балкарцами и другими, живущими въ горахъ Кавказа, татарскими племенами. У послѣднихъ всегда можно найти прекрасный айранъ (ки-слое молоко), вкусный сыръ, а иногда и свѣжее масло; кроме того, они изъ мяса приготовляютъ отличный супъ; абазинцы-же въ горахъ питаются исключительно варенымъ пшеницомъ. Это кушанье, называемое ими паста, варится какъ каша, но часто безъ соли, и потомъ складывается въ видѣ валиковъ на деревянные подносы. Ёдятъ его горячее или холодное, вместо хлѣба. Не соленое и безъ масла оно совершенно лишено всякаго вкуса.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ балагана табунщиковъ мы разбили свою палатку. Такъ-какъ она во время моихъ поѣздокъ должна была привязываться къ сѣду той лошади, на которой ѿхалъ я или мой проводникъ, тѣ, конечно, могла имѣть самые скромные разиѣры, тѣмъ не менѣе вдвое можно было помѣщаться въ ней довольно спосно; ночью она оказывала намъ большую услугу, такъ-какъ защищала отъ холоднаго, рѣзкаго вѣтра, который дуетъ обыкновенно съ вершинъ внизъ, въ долины.

Около табуна Зурумовыхъ снова нашли много медвѣжьихъ слѣдовъ. Здѣсь-же находились разрытые муравейники и выверну-

тые камни; некоторые изъ нихъ отстоили лишь на сотню сажень отъ балагана, гдѣ жили табунщики; изъ этого видно, что медвѣди здѣсь очень мало стѣсняются присутствиемъ человѣка. На крупныхъ домашнихъ животныхъ они нападаютъ крайне рѣдко, поэтому табунщики нисколько не боятся за своихъ лошадей и всю ночь спать богатырскимъ сномъ. Они мнѣ говорили, что когда медвѣдь схватываетъ жеребенка, то на крикъ его всегда является мать, которая забѣгааетъ сбоку медвѣдя и бѣТЬ его задними ногами до тѣхъ-поръ, пока онъ не бросить жертву. Одинъ изъ табунщиковъ разсказывалъ мнѣ, что года 2 тому назадъ съ нимъ въ этой мѣстности былъ слѣдующій случай. Однажды онъ отправился въ балку, чтобы нарубить дровъ, и нечаянно чуть не наступилъ на медвѣдя, лежавшаго въ кустахъ. Медвѣдь, поднявшись на заднія лапы, хотѣлъ схватить его, но табунщикъ выстрѣлилъ ему въ грудь изъ пистолета. Медвѣдь, однако, продолжалъ наступать; тогда сохранившій присутствіе духа табунщикъ всадилъ ему въ бокъ кинжалъ; послѣ этого медвѣдь бросился бѣжать, но упалъ мертвымъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста поединка.

На Зурумовскомъ кошѣ мы пробыли два дня. Я здѣсь занимался собираниемъ растеній и ходилъ за горными тетеревами, но послѣднихъ не нашелъ. Питались мы эти дни своей провизіей и лошадинымъ мясомъ. Здѣсь одна лошадь упала подъ кручу, сломала себѣ заднюю ногу и потому была зарѣзана. Мясо ея оказалось, однако, жесткимъ и очень невкуснымъ. Горный тетеревъ, убитый мною наканунѣ приѣзда сюда, также послужилъ къ удовлетворенію нашего аппетита, а шкурка его сохранена для коллекціи.

Дорога отъ Зурумова табуна по верховымъ Урупа тянулась все время по гребню хребта и съ каждой верстой поднималась все выше и выше. По обѣ стороны ея тянулись красивыя лѣсистыя балки, а вдали на югѣ виденъ высокій хребеть горъ, идущій почти параллельно Главному хребту. На пятиверстной карте онъ названъ Абишира-Ахуба. На западномъ концѣ его громоздятся высокіе пики: Кауртъ (на картѣ не обозначенъ), Хызынчикъ (на картѣ Чиликъ № 1, высота 10,626 ф.) и Чиликъ (на картѣ Чиликъ № 2). Всѣ они почти одинаковой высоты и представляютъ крутыя, разорванныя, зубчатыя черные скалы, покрытыя не особенно большими снѣжными полями. Изъ Хызынчика вытекаютъ рѣчки Агуръ и Хызынчикъ, а изъ Чилика—Ацгара и Чиликъ. Ацгара течеть въ Урупъ, всѣ-же другія, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ Кяфарь, впадающій въ Большой Зеленчукъ. Съ южной стороны Чилика

вытекаетъ еще рѣчка Пхи (на пятиверстной картѣ Пхia), направляющаяся въ Лабу. Такимъ образомъ, Чиликъ и Хызынчикъ являются водораздѣльнымъ пунктомъ, отъ которого рѣки текутъ — въ Лабу, Урупъ и Большой Зеленчукъ.

Очень красавая долина Ацгари начинается нѣсколько западнѣе вершины Чилика, тянется почти прямо и потому съ горъ по лѣвой сторону Урупа видна какъ на ладони. Она представляетъ громадныхъ размѣровъ балку, внизу покрытую крупными хвойными лѣсомъ, а вверху окаймленную скалами, осыпями и пастищами. Почти противъ Ацгари, но съ лѣвой стороны, въ Урупъ впадаетъ другая рѣчка — Лада-вада. Мой проводникъ говорилъ, что название это означаетъ — крутая балка. На пятиверстной картѣ она обозначена, но не названа никакимъ именемъ; отыскать-же ее легко, потому что она впадаетъ въ Урупъ всего версты на двѣ ниже Ацгари. На Лада-вада я былъ три раза, и каждый разъ она приводила въ восторгъ и меня, и моихъ спутниковъ; поэтому я едва-ли ошибусь, если буду утверждать, что на Кавказѣ, несмотря на его богатство замѣчательными видами, такихъ немногого. Лада-вада въ длину равняется всего верстамъ четыремъ, но глубока и неимовѣрно крута. Когда я былъ здѣсь въ первый разъ и со своимъ спутникомъ С. побѣжалъ къ самому краю ея, то С. не могъ смотрѣть внизъ, такъ-какъ съ нимъ тотчасъ-же сдѣлалось головокруженіе. Нужно еще замѣтить, что Лада-вада, несмотря на страшную глубину и крутизну, совершенно лишена мрачнаго и суроваго вида; наоборотъ — склоны ея, спускающіеся почти отвѣсно, состоять изъ галлерей скалъ, чередующихся съ поясами, покрытыми изумрудно-зеленою травой, по которой стоять рѣдкя, но крупные сосны. Параллельные ярусы скалъ и зеленые откосы расположены такъ красиво, такъ симметрично, что ничего лучшаго въ этомъ родѣ невозможно вообразить. На днѣ Лада-вада стоять крупный еловый лѣсъ, но вслѣдствіе страшной глубины долины огромныя ели, растущія внизу, кажутся сверху какъ будто-бы кустиками.

Противъ Лада-вада въ Лабу втекаетъ рѣчка Марамба, которая течеть по большому скалистому ущелью. Дно и склоны его состоять изъ конгломератовъ, образовавшихся изъ красновато-коричневаго песчаниковаго цемента и вкрапленныхъ въ него кусочковъ бѣлаго кварца. Почти всѣ скалы этого ущелья, несмотря на значительную твердость конгломератовъ, сильно округлены, вѣроятно, дѣйствиемъ воды. Между ними тянутся пояса, покрытые

зеленою травой и хвойными деревьями. Недалеко оть Лада-вада и Марамбы находился конь абазинца Тормача, съ которымъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ путешествовалъ въ верховьяхъ Урупа и Лабы. Тормачъ слыветъ за хорошаго охотника, и я думалъ остановиться у него дни на два, чтобы вмѣстѣ поохотиться; поэтому велѣль проводнику вести насъ къ его кошу; но когда до коша оставалось по-крайней-мѣрѣ сажень 50, мое обонѣніе было поражено ужаснѣйшей вонью. Дѣло въ томъ, что за недѣлю до нашего приѣзда Тормачъ въ три дня сряду убилъ трехъ большихъ оленей. Мясо ихъ онъ, конечно, не могъ сѣсть и потому началъ валить на солицѣ; но такъ-какъ здѣсь часто бываетъ сырая погода, то мясо не валилось, а начало гнить, распространяя страшную вонь; во многихъ мѣстахъ на немъ копошились кучи червей. Выкинуть-же его было жаль знаменитому Немвроду. Около его коша висѣла гораздо болѣе вонючая турия голова, но главнымъ источникомъ ужасной, нестерпимой вони были оленьи кожи, которыхъ Тормачъ здѣсь гноилъ, чтобы съ нихъ слѣзъ волосъ. Изъ нихъ онъ потомъ дѣлалъ ремни. Обрѣзки кожъ, куски внутренностей, экскременты козъ и овецъ валялись кругомъ временнаго жилища знаменитаго охотника, представляя замѣчательный контрастъ съ окружающей мѣстностью, покрытой прекрасной травой, цвѣтами и лѣсомъ.

Съ Тормачемъ мы встрѣтились, какъ старые знакомые, но остаться у него, даже на короткое время, я рѣшительно былъ не въ силахъ, хотя и зналъ, что его сообщество обѣщаетъ хорошую охоту. Съ Тормачемъ жилъ другой абазинецъ, но онъ уже нѣсколько дней былъ боленъ и не могъ подняться. По словамъ Тормача, у его товарища былъ жаръ, сильно болѣла голова и животъ. Я подумалъ, не заболѣлъ ли онъ тифомъ отъ выханія воздуха, зараженного такимъ зловонiemъ, и потому пословѣтовалъ Тормачу перебраться, хотя за сотню сажень, на новое мѣсто, перенести больного и побросать вонючее мясо. Онъ сказалъ, что все это будетъ исполнено; но сомнительно, чтобы сдержалъ свое обѣщаніе. Я до-сихъ-порѣ не могу понять, какъ можно привыкнуть и не таготиться такой по-истинѣ ужасной вонью и нечистотой. Тормачъ какъ-будто-бы старался доказать, что и чистѣйшій горный воздухъ можно такъ испортить и заразить, что онъ будетъ гораздо хуже, чѣмъ въ самомъ дурно устроенному анатомическому театрѣ. Непростительной показалась мнѣ и та жадность, съ которой дикии Кавказа истребляютъ дичь. На чтѣ, напр., Тормачъ

въ какіе-нибудь три дні убиль трехъ огромныхъ оленей! Развѣ только для того, чтобы сдѣлать десятокъ ремней изъ кожъ, а мясо съ накормить червей.

Простоявъ нѣсколько минутъ около коша, мы отправились дальше. Наша тропинка теперь уже такъ круто поднималась вверхъ, что нерѣдко приходилось слѣзать съ лошади и пѣшкомъ взбираться на горы, которая раньше казались недоступными. По этой тропинкѣ мы должны были добраться до самыхъ верховьевъ Урупа и, обогнувъ почти всѣ глубокія балки, изъ которыхъ онъ составляется, повернуть вправо къ Загдану. Высшія точки нашего пути находились на высотѣ отъ 9 до $9\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ.

Прежде чѣмъ достигнуть истоковъ Урупа, мы должны были проѣхать верховья еще одной долины, извѣстной подъ именемъ Шантапары *). Она по своему виду представляетъ полную противоположность двумъ предыдущимъ, именно, имѣть очень пологіе склоны, значительную ширину при относительно небольшой глубинѣ и, кромѣ того, почти лишена скалъ. Въ верхнихъ своихъ частяхъ она раздѣляется на нѣсколько пологихъ, совершенно безлѣсныхъ, балокъ. Находясь на высотѣ болѣе осми тысячъ футовъ, они представляютъ такимъ образомъ настоящія альпійскія пастбища, покрытыя очень мелкой, приземистой травой, перемѣшанной со множествомъ красивыхъ цвѣтовъ. Превосходный *Gentiana rugenica*, *Viola altaica* встрѣчаются на каждомъ шагу и притомъ цѣлыми кучами, а рядомъ съ ними цвѣтутъ: камнеломки (*Saxifraga levis*, *S. cartilaginea*), горовикъ (*Cerastium Kasbec*), незабудки (*Myosotis caespitosa*) и другія растенія высшихъ поясовъ горъ. Здѣсь-же во многихъ мѣстахъ лежать значительные сугробы снѣга и осыпи изъ мелкихъ кусочковъ красновато-бураго аспиднаго сланца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ былъ такъ измельченъ и пропитанъ водой, что ноги лошадей тонули въ немъ по колѣно, снѣгъ-же, на-оборотъ, почти не проваливался.

Какъ ни круты были подъемы передъ Шантапарой, но за нею они стали еще кручѣ. Тропинка мѣстами совершенно исчезала и на горы пришлось взбираться, дѣлая множество зигзаговъ. Само собою разумѣется, что большую часть этого пути мы должны были пройти пѣшкомъ. Взираясь на одинъ изъ уступовъ, я замѣтилъ, что нашъ проводникъ остановился надъ небольшой ву-

*.) На пятнадцативерстной карте Кавказа названа Аппакара. Соединившись съ Марамбай, она впадаетъ въ Лабу.

чей камней и началъ молиться. Оказалось, что здѣсь былъ похороненъ его братъ. Могила этого послѣдняго находится на высотѣ тысяча девяты футовъ и на такомъ мѣстѣ, съ котораго видны красивые горные пейзажи во всѣ стороны на цѣлыхъ сотни верстъ.

Поднимаясь все болѣе и болѣе, мы, наконецъ, добрались до вершинъ тѣхъ горъ, которыхъ окружаетъ съ сѣверо-западной стороны верховья Урупа. Стоя на крайнихъ уступахъ ихъ, видишь всѣ истоки этой рѣки, какъ на ладони. Въ высшей степени живописная долина Урупа здѣсь сразу расширяется и образуетъ обширную глубокую котловину, окруженнюю почти со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, поднимающимися, вѣроятно, не менѣе, какъ на десять тысячъ футовъ высоты. Зубчатыя остроконечныя скалы ихъ мѣстами обнажены, мѣстами покрыты снѣгомъ; у самыхъ истоковъ Урупа они представляютъ двѣ вершины: Ачубъ-Галара и Ганерута. Очень крупная скалистая основанія ихъ въ сторонѣ, обращенной къ Урупу, образуютъ двѣ подковообразныя арки, внизу которыхъ расположены три маленькихъ озерца. Одно лежитъ у подошвы Ганерута, а два — у Ачубъ-Галара. Первое изъ нихъ оказалось почти совсѣмъ замерзшимъ; что-же касается двухъ прочихъ, то часть ихъ была покрыта льдомъ, а часть представляла чистую водяную поверхность прекраснаго синезеленаго цвѣта. Три большихъ ручья, вытекающіе изъ этихъ водохранилищъ, нужно считать за настоящіе источники Урупа. Скалы Ачубъ-Галара во многихъ мѣстахъ имѣютъ почти бѣлый цвѣтъ и издали напоминаютъ ледяные каскады маленькихъ обрывистыхъ глетчеровъ. Вообще источники Урупа носятъ отпечатокъ своеобразной симметріи и красиваго сочетанія скаль, снѣжныхъ полей и воды.

Чтобы попасть на Загданъ, намъ нужно было объѣхать источники Урупа почти съ трехъ сторонъ. Насмотрѣвшись до-сыта на эти живописныя мѣста, мы стали спускаться внизъ. Здѣсь пришлось сразу столкнуться съ прозою и совершенно забыть объ эстетическихъ наслажденіяхъ. Короткій спускъ оказался крутымъ до невозможности и тянулся по косогору надъ самой пропастью. Сидѣть на лошади, конечно, нечего было и думать, но главная бѣда заключалась въ томъ, что лошади скользили по камнямъ и, боясь скатиться въ пропасть, не хотѣли идти внизъ. Пришлось почти силой стягивать ихъ за уздечку. Само собою разумѣется, что лошадь въ это время легко могла упасть и, покатившись подъ кручу, придавить и сбросить въ пропасть того, кто велъ ее за

поворотъ. На этой скверной тропинкѣ больше всѣхъ, конечно, пришлось потрудиться Быты. Намъ нужно было спуститься съ нѣсколькихъ подобныхъ уступовъ, изъ которыхъ самымъ худшимъ оказался первый. Пройхавъ ихъ, мы повернули къ западу и начали мало-по-малу приближаться къ долинѣ Лабы.

IV.

Долина Лабы.

Спускъ къ Лабѣ. — Кувшинскій кошъ.—Видъ на долину Загданъ.—Дремучій лѣсъ и животныя, водящіяся въ немъ.—Спускъ въ Загданъ.—Рододендроны. — Рожь.—Олени.—Путешествіе по Загдану и переправа черезъ Лабу.—Рѣчка Макера и Заканъ.—Переваль Луганъ.—Горы Магиши и Дженту.—Станица Псеменовская.

Когда мы огибали послѣднія балки истоковъ Урупа, то день уже склонялся къ вечеру и наши лошади были сильно утомлены; но такъ-какъ всѣ точки этой части пути находились на очень большой высотѣ, то намъ неудобно было оставаться здѣсь ночевать и мы рѣшились сѣхать ниже въ долину Лабы, гдѣ кормъ для лошадей гораздо лучше и ночи не такъ холодны *). Спускаясь къ Лабѣ по не особенно пологому склону, усыпанному крупными и мелкими обломками скаль, мы наткнулись на двухъ сернъ. Замѣтивъ насъ, онѣ бросились на крутыя горы, находившіяся влѣво отъ тропинки, по которой мы ѿхали. Интересно было наблюдать, какъ ловко и проворно взбиралась на скалы старая серна вмѣстѣ со своимъ козленкомъ, едва достигшімъ половины ея роста. Длинными прыжками перескакивая съ камня на камень, онѣ въ нѣсколько минутъ поднялись на такую высоту, гдѣ ихъ едва можно было различить даже въ бинокль.

Намъ было извѣстно, что на склонѣ, обращенномъ къ Лабѣ, есть Кувшинскій кошъ, и мы хотѣли остановиться вблизи его, чтобы имѣть подъ рукой все необходимое; но сколько ни присматривались, никакъ не могли увидѣть его. Наконецъ, кто-то изъ насъ замѣтилъ на горахъ человѣка, ведущаго лошадь. Мы послѣ-

*.) Когда я проѣзжалъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ срединѣ июля, то въ полдень падала сильная крупа.

шли на встречу ему, чтобы распросить о кошѣ; подъехавъ, мы узнали, что это охотникъ съ того самого коша, который мы тщетно отыскивали. Онъ убилъ большого тура и везъ его къ стоянкѣ; съ нимъ отправились и мы.

Кошѣ оказался въ верховыхъ одной маленькой рѣчки, впадающей въ Лабу. Чистая вода, прекрасная трава и тоцливо имѣлись здѣсь подъ рукой. Мѣсто, на которомъ стоялъ кошѣ, было поднято на 7.500 футовъ надъ уровнемъ моря; но, несмотря на эту не особенно большую высоту, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ коша лежали до-сихъ-порь (13 июля) большие сугробы снѣга; за то рядомъ съ нимъ росла превосходная трава. Саженяхъ въ пятидесяти отъ этого мѣста стояли бересковые деревья, а значительно ниже, по направлению къ Лабѣ, виднѣлась темнозеленая стѣна, составляющая окраину крупнаго еловаго лѣса. Къ западу отъ насъ располагалась долина Лабы, именно та часть ея, которая известна подъ именемъ Загдана, но она отдалась отъ нашего мѣстопребыванія невысокимъ хребтомъ, и потому не была видна. На сѣверо-востокъ также тянулась грязь горъ съ обнаженными скалистыми вершинами, а къ югу мѣстность поднималась террасами все выше и выше, сливаясь потомъ съ хребтомъ, ограничивающимъ съ сѣверной стороны долину рѣки Пхи.

Тотчасъ по приѣздѣ мы разбили палатку и занялись приготовленіемъ ужина. Въ это время наступили уже сумерки и къ кошу на ночь стали подходить овцы и козы. Не бывши здѣсь, трудно себѣ представить шумъ, который онъ производили. Ихъ было три или четыре стада, въ общей сложности болѣе 2,500 штукъ. Каждый день вечеромъ происходило свиданіе ягнятъ и козлятъ съ матерями (днемъ они паслись отдельно), при этомъ юное поколѣніе поднимало страшный крикъ, отыскивая своихъ матерей, а эти послѣднія своихъ питомцевъ. Воздухъ въ это время по-крайней-мѣрѣ на цѣлый часъ наполняется тысячами различныхъ голосовъ. Наконецъ, родители мало-по-малу находятъ своихъ дѣтей и начинаютъ кормить ихъ; тогда крикъ постепенно затихаетъ. Этотъ шумъ намъ сильно надоѣлъ, но, кроме того, сосѣдство козъ оказалось неудобнымъ и въ другомъ отношеніи: замѣтивъ палатку, онъ тотчасъ-же подобрались къ ней и безцеремонно начали жевать ея полы. Мы огородили палатку пеньками и хворостомъ, но козы перебрались черезъ этотъ барьеръ и снова принялись за нее; хотя палатка была разбита на очень удобномъ мѣстѣ, защищенномъ отъ вѣтра, но, чтобы не лишиться ея, мы должны были снять и

разбить ее въ сторонѣ, шагахъ въ 40 отъ того мѣста, гдѣ ночевали козы.

Утромъ на слѣдующій день ушли наши лошади; въ поиски за ними отправился Быты. Часа черезъ полтора онъ пригналъ лошадей и принесъ убитую имъ въ это время серну, сообщивъ намъ въ то-же время нерадостную новость, именно, что спины у нашихъ лошадей такъ потерты, что дальшеѣхать на нихъ нельзя. Положеніе наше оказалось не особенно пріятнѣмъ: мы должны были продолжать путешествіе пѣшкомъ, или-же послать за лошадьми къ Зурумовскому табуну и дни три сидѣть на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи ихъ. Я рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему и послалъ въ табунъ Быты вмѣстѣ съ хозяиномъ того коша, на которомъ мы остановились. За поѣздку въ табунъ и обратно онъ взялъ съ меня три рубля.

За трехдневную невольную остановку на этомъ кошѣ я собралъ нѣсколько растеній, перебрали и просушилъ тѣ, которые были собраны раньше, приготовилъ черепъ серны, убитой Быты, занимался изслѣдованіемъ наружныхъ частей и внутреннихъ органовъ тура и серны; наблюдалъ птицъ, водящихся здѣсь, часть времени посвятилъ на писаніе различныхъ замѣтокъ и предпринималъ небольшія экскурсіи въ окрестности нашей стоянки; наконецъ, часть времени уходила у насъ еще на приготовленіе чая или кофе, жареніе шашлыка и т. д. Такимъ образомъ, три дня прошли незамѣтно и въ постоянныхъ занятіяхъ *).

На другой день послѣ отѣзда Быты я взобрался на тотъ небольшой кряжъ, который тянулся между нашей стоянкой и долиной Лабы. Отсюда всѣ истоки этой рѣки и въ особенности Загданъ были видны превосходно. Я болѣе часа просидѣть на скалѣ, любуясь какъ долиной Загданъ, такъ и сосѣдними съ нею; глазъ не хотѣлъ оторваться отъ этого замѣчательнаго зрѣлища: ширина, даль, глубина видимаго пространства и красивое сочетаніе самыхъ разнообразныхъ предметовъ приковывали его къ себѣ. Кажется, ни одно мѣсто въ горахъ не производило на меня такого впечатленія, какъ это. Мнѣ, страстному охотнику и еще болѣе страст-

*) Осмотривъ тура, я замѣтилъ на бедрѣ его какъ будто-бы опухоль и, разрѣзавъ ее, увидѣлъ, что бедренная кость тура была перебита пулой и срослась, образовавъ на мѣстѣ перелома большой нарость. Въ немъ нашлась и сплюснувшаяся круглая пуля небольшого калибра. Этотъ туръ и теперь былъ раненъ въ ногу, а потому добить вторичнымъ выстрѣломъ въ шею.

ному любителю дикой, совершенно не тронутой руками человѣка природы, и въ другомъ отношеніи интересенъ Загданъ. Смотри на него, невольно вспоминаешь тѣ отдаленные времена, когда людское населеніе было гораздо рѣже, и чуть не половина всей Европы покрывалась непроходимыми дремучими лѣсами, наполненными зубрами, дикими быками, оленями, лосями, медведями и множествомъ другихъ животныхъ. Дѣйствительно, въ Загданѣ людей и теперь вовсе нѣть, сюда даже никогда не спускаются пастухи со своими стадами, за то какимъ лѣсомъ покрыта весь онъ! Это сказочный дремучий лѣсъ, во многихъ мѣстахъ котораго, можетъ быть, отъ самаго сотворенія міра не ступала нога человѣка. Долина или, пра-вильнѣе, ущелье Лабы, вообще узкое и скалистое, здѣсь сразу расширяется, какъ будто именно для того, чтобы дать мѣсто дѣ-ственному лѣсу, известному подъ именемъ Загдана. Онъ находит-ся верстахъ въ 15 отъ истоковъ Лабы и со всѣхъ сторонъ окру-женъ цѣлымъ лабиринтомъ огромныхъ скаль, пиковъ и горныхъ вершинъ, на которыхъ даже лѣтомъ мѣстами лежить снѣгъ. По срединѣ Загдана течетъ Лаба. Она имѣеть шаговъ 70 въ ширину и несетъ чистейшую голубовато-зеленую воду. Сверху Лаба пред-ставляется широкой, блестящей зеленої лентой, извивающейся по срединѣ лѣса. Мѣстами, впрочемъ, лента кажется бѣлой, — это тамъ, гдѣ вода, ударяясь о скалы и камни, пѣнится и разбивается на брызги. Необыкновенно красивымъ и величественнымъ представ-ляется и самый лѣсъ, когда смотришь на него издали. Вслѣдствіе густоты и темной окраски хвой онъ кажется даже не зеленымъ, а скорѣе черно-синимъ. Кромѣ громаднейшихъ елей и пихтъ, въ немъ почти нѣть другихъ деревьевъ. Даже сверху, съ довольно значительного разстоянія, онъ представляются гигантами; многія изъ нихъ имѣютъ засохшія верушки, а другія высохли совершенно и стоятъ какъ скелеты среди своихъ сестеръ и братьевъ, пол-ныхъ жизни и силы. Еще болѣе величественнымъ представляется Загданъ, если проникнуть внутрь его. Вместо обыкновенныхъ дре-ревьевъ здѣсь почти всюду видишь какихъ-то великановъ. Многія изъ нихъ имѣютъ отъ 3 до 4 обхватовъ толщины (болѣе 3 аршинъ въ діаметрѣ) и, можетъ быть, до сотни аршинъ въ высоту.

Какъ было сказано раньше, этотъ лѣсъ въ своихъ страш-ныхъ дебряхъ даетъ пріютъ и убѣжище множеству оленей, мед-ведей, кабановъ, куницъ и рысей; въ немъ и до сихъ-поръ уцѣ-лѣли такие рѣдкіе звѣри, какъ зубры; по берегамъ Лабы и ея притоковъ водятся рѣчные бобры (*Castor fiber*); что-же касается

горъ, окружающихъ лѣсъ, то онѣ настолько-же богаты сернами и турами, насколько самъ Загданъ лѣсными животными. Птицъ въ Загданѣ почти нѣть.

Крупный хвойный лѣсъ начинается въ долинѣ Лабы еще въ сѣверу отъ горы Бедень и тянется сначала вдоль Тамовскаго ущелья, а потомъ и по Загдану; все это пространство имѣть въ длину не менѣе 70 верстъ. Вначалѣ полоса лѣса очень не широка, потому что долина Лабы при страшной глубинѣ, сравнительно, весьма узка и обрывиста. Всѣ кручи ея покрыты крупнымъ еловымъ лѣсомъ. Ближе къ Главному хребту эта долина расширяется и къ ней присоединяется много побочныхъ: долина Ихи, Макера (на картѣ Дамхурцѣ), Мамхурцъ и т. д. Всѣ онѣ покрыты почти такими-же лѣсомъ, какъ и Загданъ. Добраться до этихъ лѣсовъ не такъ легко. У самой границы казачьихъ земель (недалеко отъ бывшей станицы Псеменовской), гдѣ долина Лабы сильно суживается, превращаясь въ скалистое ущелье, дорога какъ для конныхъ, такъ и для пѣшихъ превращается: для того, чтобы попасть въ болѣе широкую часть ея, именно въ Загданѣ, надо подняться на хребеть, служащій водораздѣломъ между Лабой и Урупомъ, или-же подѣхать къ Загдану съ другой стороны, по горамъ, раздѣляющимъ долины Большой и Малой Лабы. Эти обѣ дороги очень плохи. Такая недоступность и отсутствіе населенія въ верховыхъ Лабы и послужили къ сохраненію лѣсовъ въ ихъ перво-бытномъ состояніи. Дѣйствительно, такого лѣса нѣть на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ. Богатству растительности способствуютъ и другія условія: Главный хребеть въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ него вытекаетъ Лаба, уже успѣлъ значительно понизиться и потому лишенъ той громадной массы снѣговъ и льдовъ, какую представляютъ въ верховыхъ другихъ рекъ *); кромѣ того, долина Лабы страшно глубока и лежитъ болѣе на западѣ и ближе къ морю, чѣмъ долины Зеленчука, Маруха, Теберды и т. д. Все это, дѣлая климатъ ея болѣе теплымъ и влажнымъ, способствуетъ развитію богатой растительности.

На другой день послѣ того, какъ явился Быты съ новыми

*) Смотря издали, можно замѣтить, что горы противъ истоковъ Лабы даже выше, чѣмъ къ В. и З. отъ этого мѣста; но во всякомъ случаѣ они гораздо ниже, чѣмъ въ верховыхъ Зеленчука, Теберды, Кубани и т. д. Здѣсь есть и сѣмимильные поля довольно порядочныхъ размѣровъ. Въ двухъ мѣстахъ они сползаютъ внизъ и превращаются въ два широкихъ, но не длинныхъ глетчера.

лошадьми, мы отправились въ Загданъ, разсчитывая переправиться вбродъ черезъ Лабу и перѣхать весь лѣсъ въ поперечномъ направлениі. Въ короткое время мы взобрались на тотъ хребетъ, съ котораго и раньше любовался Загданомъ, и затѣмъ начали спускаться внизъ. Спускъ оказался длиннѣйшимъ и крайне утомительнымъ. Нечего и говорить о томъ, что мы должны были его пройти все пѣшкомъ, ведя въ поводахъ своихъ лошадей. Предвидя трудность этого пути и въ особенности переправы черезъ Лабу, я взялъ съ собой еще одного кувшинца, товарища хозяина коша, на которомъ мы остановливались.

Прежде чѣмъ добраться до крупнаго лѣса, мы должны были болѣе получаса спускаться по страшно-крутыму косогору, покрытому густыми зарослями низкорослыхъ рододендроновъ.

Особенно было скверно идти по склонамъ, обращеннымъ къ сѣверу, гдѣ вѣтви этихъ кустарниковъ, переплетаясь другъ съ другомъ, образовали едва проходимую сѣть перекладинъ. Если къ этому прибавить торчащіе всюду камни и крутизну, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходящую градусовъ до 45, то станетъ понятно, насколько трудно было спускаться по подобнымъ мѣстамъ. Мы сами и наши лошади падали здѣсь нѣсколько разъ. Пройдя болѣе получаса по такимъ склонамъ, мы достигли лѣса и продолжали путь по звѣринымъ тропамъ. Быты увѣряль, что онѣ пробиты почти исключительно зубрами, которые вечеромъ отправляются по нимъ къ пастищамъ, а утромъ обратно внизъ къ Лабѣ. Тропинка и здѣсь была такъ крутая, что нужно было употреблять отчаянныя усиленія, чтобы держаться на ногахъ; вслѣдствіе этого мы буквально обливались потомъ, а бѣлье мое такъ напиталось имъ, что его можно было бы выжать. Я нѣсколько разъ думалъ перемѣнить рубашку, но зная, что и другую черезъ нѣсколько минутъ постигнуть та-же участъ, откладывалъ свое намѣреніе до конца спуска. Иногда тропинка проходила по окраинамъ крутыхъ скаль, съ которыхъ можно было видѣть нижнюю часть долины, но тутъ приходилось убѣждаться, что Лаба еще очень далеко и, следовательно, конецъ нашимъ испытаніямъ не близокъ. Около тропинки мы видѣли чуть не на каждомъ шагу слѣды медвѣдей; почти такъ-же часто встрѣчались слѣды дикихъ кабановъ, то въ видѣ взрытой земли, то въ видѣ довольно глубокихъ ямъ, гдѣ эти звѣри отдыхали въ жаркие часы дня.

Пройдя съ полчаса по лѣсу, мы вышли на поляну, величиною десятины въ двѣ. Она была покрыта такой чистой высокой

рожью, какую рѣде можно встрѣтить даже среди воздѣланныхъ нивъ. Подобныхъ полянъ въ Загданѣ встрѣчается нѣсколько.

Вотъ что о нихъ писалъ покойный Н. Г. Петрусеевичъ: „Вездѣ, гдѣ только есть открытыя отъ лѣса мѣста, видны запашки, на которыхъ и до сихъ-поръ растетъ рожь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; даже является сомнѣніе, не въ нынѣшнемъ-ли году были здѣсь люди, оставившіе неубранными посѣянные хлѣбба. Вѣроятно, это происходитъ оттого, что лѣсъ, окружающій весьма густо, какъ-бы стѣной, поляны, не дозволяетъ хлѣбнымъ сѣменамъ разноситься вѣтромъ или быть вытѣсненными сѣменами другихъ растеній, вслѣдствіе чего они, высыпаясь, оставались на мѣстѣ, гдѣ росли, давая на слѣдующій годъ новые урожаи. Достовѣрность этого подтверждается тѣмъ, что на полянахъ, не окруженнѣхъ лѣсомъ, рожь хотя и растетъ, но не сплошь, а кустами, какъ-будто она вовсе не была посѣяна, а попала на это мѣсто случайно. Когда именно здѣсь были поселенія, отъ которыхъ остались посѣвы ржи и кто были поселенцы, — навѣрное ничего неизвѣстно; какъ преданіе передаютъ, что когда-то въ этихъ мѣстахъ жили карачаевцы, занимавшіе и сосѣднюю съ Загданомъ долину Иркыза. Насколько достовѣрно это преданіе, — разбирать нѣтъ надобности, но существованіе на Загданѣ въ прежнее время поселенія не подлежитъ сомнѣнію. Нельзя только сказать, въ какомъ именно мѣстѣ, на Загданѣ или въ долинѣ Иркыза, были расположены аулы, потому что отъ жилищъ не осталось никакихъ слѣдовъ, даже могиль не видно, и потому надобно предполагать, что жившіе здѣсь выселились весьма давно *)“.

Пройдя еще версты дѣй, мы рѣшили остановиться минутъ на двадцать, не ради отдыха, а главнымъ образомъ для того, чтобы сколько-нибудь остынуть. Въ это время мы чувствовали себя какъ въ банѣ: по раскраснѣвшимся нашимъ лицамъ потъ текъ ручьями, волосы на головѣ стали совершенно мокрыми, а бѣлье прилипло къ тѣлу. Лошади также были въ поту и, вѣроятно, сильно утомлены спускомъ съ такой крутой горы.

Теперь слѣдуетъ сказать хотя нѣсколько словъ о самомъ лѣсѣ. Тамъ, гдѣ мы вступили въ него, т. е. у верхней его границы, онъ состоять изъ хвойныхъ породъ — елей и пихтъ, нѣсколько ниже къ нимъ присоединяется сосна, а потомъ лиственныя дер-

*) Н. Петрусеевичъ: Извлеченіе изъ отчета объ осмотрѣ казенныхъ свободныхъ земель нагорной полосы между рѣками Тебердой и Лабой, стр. 21.

въя: букъ (*Fagus sylvatica*), береза, клёнъ (*Acer platanoides* и *campestris*), ольха (*Alnus incana*), черноольха (*Alnus glutinosa*), а изъ кустарниковъ: бузина, жимолость (*Lonicera*) и малина, калина (*Viburnum Opulus*), *Viburnum Lantana* и иѣкоторые другіе. Вездѣ, однако, преобладающимъ элементомъ являлись хвойныя породы деревьевъ; на днѣ долины онѣ совершенно вытѣсняютъ лиственныя. Это, вѣроятно, происходитъ по той причинѣ, что нижняя часть долины болѣе всего подвержена вліянію холодныхъ воздушныхъ теченій, спускающихся съ сиѣжныхъ полей Главнаго хребта. Кромѣ того, здѣсь сильнѣе сказывается вліяніе холодной воды, которую несетъ Лаба. Только у самыхъ береговъ ея, да и то не вездѣ, растутъ лиственныя деревья, но исключительно та-кія, для которыхъ необходима близость воды. Почва въ лѣсу покрыта мхами и папоротниками, здѣсь-же попадается много земляники. Необыкновенно величественнымъ представляется этотъ лѣсъ тамъ, гдѣ онъ состоить изъ однихъ только хвойныхъ деревьевъ, именно, елей и пихтъ гигантскихъ размѣровъ. Человѣкъ, безъ со-инѣнія, не принимать никакого участія какъ въ насажденіи его, такъ и въ уходѣ за нимъ; словомъ, это лѣсъ, какъ создала его природа, лѣсъ, до котораго не дотрогивалась рука человѣка. Ростъ деревьевъ, ихъ появленіе на свѣтѣ, болѣе или менѣе продолжи-тельное существование и, наконецъ, смерть,—все это управляетъ единственнымъ неумолимымъ факторомъ — борьбою за существова-ніе, вліяніе которой не сказывается никогда въ такой поразительной формѣ, какъ здѣсь. При первомъ взглядѣ этотъ лѣсъ пред-ставляетъ страшную путаницу и хаотическій беспорядокъ; но при-смотритесь къ нему, и какъ много вами удастся прочитать на страницахъ его раскрытой книги: вы увидите громадныя деревья, обхвата въ три или четыре толщины, которыхъ стоять уже цѣ-лыхъ столѣтія, мѣшая другимъ рости около себя. Чтобы пользо-ваться свѣтомъ солнца, они гордо подняли свои верхушки на иѣ-сколько десятковъ сажень отъ земли и значительно выше своихъ сосѣдей. Рядомъ съ ними стоять такие-же великаны, но отжившие свой вѣкъ. Верхнія вѣтви ихъ, болѣе подверженныя вліянію вѣтра и влаги, уже обломались, а кора кусками въ цѣлые квадратные аршины свѣшивается съ ихъ стволовъ. Росли они сотни лѣтъ, мѣ-шили рости другимъ, еще, можетъ быть, простоять многіе годы, но, наконецъ, придетъ время имъ превратиться въ почву и своимъ бреннымъ тѣломъ питать новое поколѣніе. Тутъ-же растутъ и мо-лодыя деревья; иѣкоторымъ изъ нихъ суждено впослѣдствіи пре-

вратиться въ великановъ, другія-же, желая пробиться на свободу, много лѣтъ будуть чахнуть подъ тѣнью своихъ собратовъ, но умрутъ преждевременной смертью, не достигнувъ и десятой части того роста, какой могли бы имѣть. Не менѣе замѣчательный видъ представляетъ почва. Въ страшномъ беспорядкѣ лежать на ней деревья, поваленные бурей, или упавшія отъ старости. Нѣкоторыя изъ нихъ падая захватили кого-либо изъ сосѣдей и лежать рядомъ, сплетаясь другъ съ другомъ вѣтвями; другія, падая, запѣшились и повисли, а третыи, ударившись о землю, разбились на части. Нѣкоторыя изъ нихъ своимъ тѣломъ уже кормятъ груши мѣховъ, папоротниковъ и молодое поколѣніе елей или пихтъ. Хоронить мертвцевовъ здѣсь некому, поэтому во многихъ мѣстахъ они представляютъ такія крѣпости и баррикады, черезъ которыхъ едва можно перебраться. Необыкновенное безмолвіе и тишина царствуютъ всегда въ такихъ лѣсахъ. Только изрѣдка раздастся въ нихъ крикъ маленькой птички, послышится стукъ дятла или издалека донесется шумъ воды. Даже жужжаніе насѣкомыхъ здѣсь никогда не бываетъ слышно, и вѣтеръ колеблетъ только верхушки деревьевъ, не распространяясь далеко внизъ въ вѣчный полумракъ этого лѣса.

Послѣ короткаго отдыха, мы снова двинулись въ путь. Здѣсь также круча склоновала за кручей, обрывъ за обрывомъ; но тропинка уже кончилась, и пришлось пробираться просто по лѣсу. Иногда идти было скверно, какъ и въ началѣ спуска, съ тѣмъ, однако-же, отличiemъ, что подъ ногами уже не было рододендроновъ; вмѣсто нихъ, впрочемъ, явилось новое препятствіе,—это тѣ свалившіяся деревья, о которыхъ только что говорилось. Пробираясь по такому лѣсу, мы, наконецъ, вышли на болѣе пологое мѣсто и, пройдя еще съ версту, достигли береговъ Лабы. Это было въ одиннадцать часовъ утра; начали-же мы спускаться, когда еще не было осьми; такимъ образомъ, на спускъ въ долину Загданъ потребовалось, не считая остановки, слишкомъ два съ половиною часа быстрой и самой утомительной ходьбы. Я думаю, еслибы пришлось по этому пути идти въ обратномъ направлениі, т. е. отъ Лабы вверхъ, то на подъемъ нужно было бы употребить не менѣе семи или осьми часовъ.

Въ той части долины, куда мы спустились, перѣхать чрезъ Лабу было невозможно, такъ-какъ она текла широкимъ сплошнымъ потокомъ, имѣющимъ весьма солидную глубину. Проводники предложили намъ подняться выше, вдоль праваго берега рѣки, и

переѣхать ее тамъ, гдѣ она становится меньше и разбивается на нѣсколько отдельныхъ рукавовъ. Я съ удовольствіемъ принялъ ихъ предложеніе, потому что въ этомъ случаѣ приходилось пропасти въ Загданъ нѣсколько лишнихъ часовъ и осмотрѣть болѣе значительную часть его.

Когда мы пробирались по берегу Лабы, въ одномъ мѣстѣ изъ-подъ нашихъ лошадей выскочила огромный олень. Онъ бросился на гору и скоро скрылся изъ глазъ. Хотя нашъ новый проводникъ побѣжалъ высѣживать его, но, конечно, вернулся ни съ чѣмъ. Пройхавъ еще шаговъ десять, я увидѣлъ другого оленя, который переплылъ Лабу и уже выбрался на противуположный берегъ ея. Это былъ громадный самецъ съ великолѣпными вѣтвистыми рогами. Какимъ стройнымъ, красивымъ и въ то-же время сильнымъ, даже величественнымъ показался онъ мнѣ, когда выскочилъ на берегъ! До него въ то время было не болѣе шестидесяти шаговъ. Безъ сомнѣнія, онъ лежалъ тамъ, гдѣ и первый; но, замѣтивъ насъ, бросился въ Лабу и переплылъ ее, чтобы скрыться на противуположномъ берегу. Вѣроятно, за шумомъ воды мы не слышали, какъ онъ вскочилъ и спрыгнулъ въ рѣку. Если эта встрѣча не была для насъ неожиданной, то этого оленя легко было бы застрѣлить; но дѣло въ томъ, что мыѣхали безъ дороги, по густому лѣсу, причемъ должны были безпрерывно отстранять руками вѣтви, цѣплявшіяся за шею, лицо и голову. Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ было не до охоты, а потому наши ружья висѣли за спиной. Послѣ встрѣчи съ оленями, я вынулъ винтовку изъ чехла и везъ ее, несмотря на всѣ препятствія, въ рукахъ; но въ то время, какъ нарочно, никакой дичи не попадалось.

Послѣ долгихъ странствованій по Загдану, мы выбрали мѣсто, гдѣ, по мнѣнію нашихъ проводниковъ, можно было переправиться черезъ Лабу. Оно находилось на нѣсколько футовъ выше впаденія въ нее рѣчки Макера (Мампуркъ). Здѣсь Лаба раздѣлилась на два рукава, изъ которыхъ одинъ былъ узокъ и не глубокъ, а другой имѣлъ порядочные размѣры. Черезъ первый мы переехали безъ малѣшихъ затрудненій, второй-же едва не унесъ нашихъ лошадей и насъ вмѣстѣ съ ними. Вначалѣ онъ показался мелкимъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше становилась глубина его; особенно велика она оказалась подъ самыми берегомъ съ лѣвой стороны рѣки. Здѣсь и теченіе было настолько стремительно, что чуть не перевернуло нашихъ лошадей, хотя мы,

для лучшаго противодѣйствія напору воды, вхали по два въ рядъ и держали въ рукахъ узечку лошади своего сосѣда. Чѣд касается глубины, то она была безъ малаго въ ростъ лошади, или по крайней-мѣрѣ такова, что, сидя на сѣдлѣ, я набралъ холодной воды полные сапоги, хотя они были выше колѣнъ. По выходѣ на берегъ намъ, конечно, прежде всего предстояло заняться выливаніемъ воды изъ сапогъ и выжиманіемъ мокраго платья.

Такимъ образомъ мы перебралисъ на лѣвую сторону Лабы. Здѣсь только у самой воды росла верба, ольха и лоза, а дальше тянулись бесконечныя колоннады изъ такихъ-же громадныхъ еловыхъ и пихтовыхъ деревьевъ, какъ на правомъ склонѣ Загдана. Мы предполагали сдѣлать привалъ и расположиться на ночлегъ нѣсколько ниже мѣста переправы, именно, гдѣ-нибудь по близости рѣчки Заканъ, впадающей въ Лабу съ лѣвой стороны, и потому направились къ сѣверу, т. е. внизъ по той-же долинѣ. Сначала быты вель настъ тропинкою, но она скоро исчезла и мы снова были принуждены вхать по лѣсу безъ всякой дороги; однако, густота лѣса, повалившаяся деревья, а также частые обрывы и кручи заставляли насъ выдѣлывать тысячи зигзаговъ и напрасно утомлять лошадей. Зная, что во время Кавказской войны войска, проходившія по лѣвому берегу Лабы, проложили здѣсь колесную дорогу, мы приналисъ отыскивать ее и довольно скоро нашли. Предоставленная на волю судьбы, она за цѣлые десятки лѣтъ должна была сильно пострадать, но все-таки, какъ мы полагали, могла сколько-нибудь облегчить наше блужданіе. Дѣйствительно, въ мѣстахъ болѣе ровныхъ она сохранилась прекрасно, вблизи-же крутыхъ склоновъ или около береговъ рѣкъ и ручьевъ испортилась настолько, что и слѣды ея трудно было замѣтить. По ней мы добрались до рѣчки Макера (Мампуркъ на пятиверстной карте). Это красивая, довольно большая горная рѣчка, съ шумомъ катящая свои голубоватыя воды по крутыму каменистому дну. Ширина ея шаговъ 25, а длина верстъ 20. Она впадаетъ въ Лабу. Чтобы продолжать путь внизъ по долинѣ, намъ нужно было переправиться чрезъ нее. Это, впрочемъ, не представляло особыхъ затрудненій, такъ-какъ вода въ ней была не глубока.

Часъ спустя мы добрались до другого притока Лабы, именемо—Закана *). Здѣсь снова была потеряна дорога, и потому мы

*) Мѣсто слиянія обѣихъ рѣкъ находится на высотѣ 4.300 ф. надъ уровнемъ моря.

вторично принялись разыскивать ее, но на этот разъ намъ пришлось долго карабкаться по страшнымъ кручамъ, цѣпляясь за кусты и обливаясь потомъ. Стараясь найти дорогу, мы случайно наткнулся на оленя, который пилъ воду въ одномъ небольшомъ ручью. Онъ выстрѣлилъ въ него изъ винтовки, олень упалъ на колѣни, но потомъ вскочилъ и бросился бѣжать. Подойдя къ ручью, мы увидѣли на травѣ кровь; въ это-же время мой сеттеръ, почуявъ свѣжий слѣдъ, побѣжалъ по нему и саженяхъ въ 20 отъ насъ началъ лаять. Мы послѣшли туда и увидѣли уже мертваго оленя.

Это былъ самецъ одного года съ невѣтвистыми еще рогами, въ семь дюймовъ длины, и ростомъ съ небольшую корову. Рога его были покрыты волосистой кожей, а бока туловища усыпаны множествомъ свѣтлыхъ пятенъ, которыхъ, какъ извѣстно, составляютъ признакъ молодости косуль, оленей и еще нѣкоторыхъ млекопитающихъ животныхъ.

Такъ-какъ дѣло уже клонилось къ вечеру, а мы съами и наши лошади были сильно утомлены и, кроме того, въ нашемъ распоряженіи находился большой запасъ мяса *), то решено было вблизи убитаго оленя остаться ночевать. Это было на небольшой полянкѣ, у берега горнаго ручья. Хотя крупный лѣсъ, окружавшій это мѣсто со всѣхъ сторонъ, представлялъ болѣе или менѣе надежную защиту отъ вѣтра; но, опасаясь дождя, мы сочли за лучшее разбить палатку и ночевать въ ней. Вечеромъ у насъ готовился супъ изъ молодого оленя и жарилось на вертелѣ его мясо. Послѣднее, нужно сказать, оказалось превосходнымъ.

Этимъ закончилось наше пребываніе въ долинѣ Загданъ. Я хотѣлъ-было проѣхать до верхняго конца его, находящагося у самыхъ истоковъ Лабы, но наши проводники увѣрили, что это не безопасно, такъ-какъ тамъ можно подвергнуться нападенію абхазцевъ, которые тайно отъ русскаго правительства возвратились изъ Турціи и бродятъ по горамъ, съ цѣлью воровства скота или грабежа; кроме того, они говорили, что дороги или тропинки въ тѣхъ мѣстахъ совершенно исчезли, потому что туда уже много лѣтъ никто не Ѵздила и не гоняетъ скотъ, и, наконецъ, что наши лошади не вынесутъ этого путешествія. Первую причину едва-ли можно

*) Почти все мясо этого оленя мы отдали пастухамъ коша, находившагося въ верховыхъ Закана.

было считать основательной, такъ-какъ въ Загданъ, да и вообще въ той безлюдной части горъ, гдѣ мы странствовали послѣдніе дни, абхазцы могли также безпрепятственно бродить и заниматься грабежемъ, какъ и въ самыхъ верховыхъ Лабы, однако, мы проѣхали эти мѣста безъ всякихъ приключений; безъ дорогъ тоже можно было какъ-нибудь пробраться; чтѣ-же касается лошадей, то онѣ были такъ плохи, что надѣяться на нихъ, действительно, нельзя было. Принимая во вниманіе послѣднее обстоятельство, я рѣшилъ проѣхать въ болѣе доступную долину Закана, а потомъ другой дорогой, именно, по хребту между Большой и Малой Лабой, возвратиться назадъ.

На слѣдующій день мы направились вверхъ по Закану, который, несмотря на свою незначительную длину, вѣроятно, не превышающую 15 или 20 верстъ, имѣть довольно порядочные размѣры и течетъ страшно быстро по крутымъ ложамъ, загроможденнымъ большими камнями. Въ верховыхъ Закана снѣговъ мало, но обилие воды въ немъ нужно приписать тому, что въ него впадаетъ много отдельныхъ небольшихъ рѣчекъ.

Получая начало тысячахъ на семи футовъ надъ уровнемъ моря, Заканъ впадаетъ въ Лабу на высотѣ 4.300 футовъ; такимъ образомъ, на разстояніи 20 верстъ онѣ имѣть паденіе на 2.700 ф., что составляетъ, среднимъ числомъ, 135 ф. на версту.

Само собою разумѣется, что быстрота теченія должна быть страшна; то-же можно сказать и про шумъ воды. Такъ-какъ Заканъ течетъ приблизительно съ запада на востокъ, то лѣвый склонъ его долины долженъ получать отъ солнца гораздо больше свѣта и теплоты, чѣмъ остающійся въ тѣни правый. Этимъ объясняется ихъ значительное различие въ отношеніи растительности. На лѣвомъ склонѣ, несмотря на высоту отъ $4\frac{1}{3}$ до 6 или 7 тысячъ футовъ, часто встрѣчаются: алыча, яблони, груши, два или три вида клёна, рябина (*Sorbus aucuparia*), орѣшникъ (*Corylus*), карагачъ или вязъ (*Ulmus campestris*), береза, осина, изрѣдка ясень, много смородины, малины и крыжовника; ели и пихты здѣсь также ростутъ, но не преобладаютъ надъ лиственными породами. Всѣ поланы покрыты высокимъ, какъ лѣсъ, бурьяномъ. Совершенно иной колоритъ представляетъ правый склонъ, заросшій густымъ тѣнистымъ лѣсомъ, состоящимъ только изъ огромныхъ елей и пихтъ. Лиственныхъ деревьевъ въ немъ нѣть вовсе. Замѣчательно, что ни въ Загданѣ, ни въ долинѣ Закана я не видѣлъ ни одного дуба. Пробѣжая по лѣвому склону долины, мы вовсе не встрѣчали слѣдовъ

ни оленей, ни кабановъ, а только слѣды медвѣдей, да и тѣхъ не особенно много; вѣроятно, всѣ звѣри въ лѣтнее время перебираются на болѣе прохладный и не такъ изобилующій мухами правый склонъ.

По долинѣ Закана намъ пришлосьѣхать болѣе полдня, при этомъ мы пробирались то по дорожкѣ, проложенной когда-то русскими войсками, то просто по лѣсу. Раза три необходимость заставила насть перебѣхать рѣчку Заканъ, но, пробираясь верхомъ между огромными камнами, торчащими со дна ея, каждый изъ насть чувствовалъ себя не особенно хорошо. Наконецъ, мы выбрались на опушку лѣса и здѣсь увидѣли кошь. Не доѣзжая до него, я вспугнулъ двухъ горныхъ тетеревовъ. Красивый черный самецъ улетѣлъ такъ далеко, что у меня не явилось охоты идти за нимъ; самку-же я быстро нашелъ при помощи собаки и убилъ. Здѣсь-же была найдена и убита мною другая самка. Около самого воша я поймалъ еще гадюку (*Vipera berus*), обратившую мое вниманіе очень красивымъ цвѣтомъ. Какъ вообще альпійскія разновидности, она отличалась яркимъ развитиемъ пигментовъ. Основной цвѣть ея былъ свѣтло-желтый, а въ некоторыхъ мѣстахъ даже бѣлый; зубчатая-же полоса вдоль спины и всѣ вообще пятна имѣли черный, какъ сажа, цвѣтъ и бархатистый отливъ. Длина тѣла ея была около $1\frac{1}{2}$ фута; поймана она на высотѣ почти 8 тысячъ футовъ.

Кошь, на которомъ мы остановились, находился въ самыхъ верховьяхъ Закана, близъ верхней границы лѣсовъ и недалеко отъ перевала Луганъ; послѣдній раздѣляетъ истоки Закана и Умпира, впадающаго въ Малую Лабу. Съ правой стороны Лугана поднимаются красивыя горы, основаніе которыхъ покрыто лѣсомъ, а вершины состоять изъ нагроможденныхъ другъ на друга скаль. Кое-гдѣ на нихъ лежали клочки снѣга; чѣ-же касается самого перевала, то на немъ росла трава, а снѣга не было вовсе. Дорога, ведущая черезъ Луганъ, вскорѣ раздѣляется на двѣ новыхъ: лѣвая, по долинѣ Умпира, выходить на Малую Лабу *), правая-же сначала тянется по крутыму скату хребта Магишъ, а потомъ, перейдя черезъ него, спускается къ подножью горы Дженту. Мы избрали эту послѣднюю.

Съ перевала Луганъ открывается обширный видъ на долину

*) Прежде по этой дорогѣ можно было безъ всякихъ затрудненій проѣхать на Псебай и дальше внизъ по Лабѣ; теперь она размыта водой и совершенно испорчена.

Малой Лабы и ея верховья. Всѣ эти мѣста, равно какъ и долина Умпрыра, покрыты вѣковыми хвойными лѣсами, надъ верхней границей которыхъ разстилаются альпійскія пастбища.

Дорога по склону хребта Магишъ оказалась довольно сносной; но такъ-какъ наши лошади были уже порядочно утомлены въ предыдущие дни, то намъ пришлось идти по ней пѣшкомъ. Прежде чѣмъ подняться на вершины Магиша, мы должны были пересѣчь нѣсколько крутыхъ балокъ. Почти всѣ онѣ были покрыты мелкой, приземистой травой, а кое-гдѣ—осыпями. Довольно труднымъ оказался только послѣдній подъемъ на хребетъ. Онъ былъ очень круглъ и загроможденъ камнями, поэтому, взбираясь на него, мы останавливались черезъ каждые 50—60 шаговъ, чтобы перевести духъ. Поднявшись, наконецъ, на гребень хребта, мы увидѣли, что за нимъ слѣдуетъ еще другой, почти такой-же высоты. Пришлось перебраться и черезъ него, а дальше—идти подъ гору до самаго подножья горы Дженту. Не доѣзжая версты двѣ до послѣднаго мѣста, на высотѣ около $7\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ, мы встрѣтили много топкихъ мѣсть, залитыхъ водой, которая потомъ стекаетъ въ рѣчку Рошкоа.

Что касается вершинъ хребта Магишъ, то онъ представляють непрерывный рядъ скалъ, на которыхъ только мѣстами лежать значительные сугробы снѣга, а настоящихъ снѣжныхъ полей нѣть вовсе. Изъ угла, образовавшагося отъ пересеченія хребтовъ Луганъ и Магишъ, вытекаетъ на ССЗ. рѣчка Умпрыръ, а съ сѣверо-восточной стороны послѣднаго хребта береть начало нѣсколько маленькихъ ручьевъ и рѣчекъ, направляющихся на востокъ, къ Большой Лабѣ.

Миновавъ болотистую котловину, мы выбрали для себя удобное мѣсто почти у самаго подножья Дженту и здѣсь расположились наочевать. Высота этого мѣста оказалась около 7.100 футовъ, вершина-же Дженту поднимается надъ нимъ еще тысячи на полторы, доходя, следовательно, тысячу до восьми съ половиной футовъ надъ уровнемъ моря. Вершина ея представляетъ почти отвесную скалу, на которой снѣгу даже негдѣ задержаться. На сѣверо-востокъ отъ Дженту тянется кряжъ, огибающій всѣ истоки небольшой рѣчки Рошкоа, которая начинается многими отдѣльными красивыми глубокими балками, заросшими внизу крупными хвойными лѣсомъ. Она впадаетъ также въ Лабу. Выше границы этихъ лѣсовъ тянутся хорошия пастбища, покрытыя высокой травой; на нихъ часто попадаются горные тетерева. Мы встрѣтили ихъ око-

ло десятка, и четыре изъ нихъ были убиты мною. Такъ-какъ все мясо мы израсходовали, то тетерева приились очень кстати: въ теченіе послѣднихъ двухъ дней мы жарили ихъ и варили, чтобы приготовить супъ, причемъ нужно замѣтить, что то и другое оказалось очень вкуснымъ.

Обогнувъ истоки Рошкоа, мы начали спускаться внизъ по невысокому, покрытому травой хребту, возвышающемуся между Лабой и ея притокомъ Декескѣ. Скоро тропинка привела насъ къ лѣсу, въ которомъ уже не было ни одной сосны или ели, а росли только лиственными породы: береза, букъ (по здѣшнему—чинарь), дубъ, клёнъ и т. д. Березы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуютъ очень хорошія рощи.

Проѣхавъ версты четыре по лѣсу, мы снова выбрались на открытую мѣстность. Теперь намъ нужно было переправиться на правый берегъ Лабы. Еще въ горахъ мы слышали, что кувшинцы здѣсь выстроили мостъ изъ плетней, укрѣпленныхъ на двухъ брусьяхъ, перекинутыхъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, съ одного берега на другой. По этому мосту они перегоняли на лѣвый берегъ козъ и овецъ, лошадей-же и крупный рогатый скотъ переправляли по водѣ. Мы расчитывали перейти по мосту пѣшкомъ, а лошадей долженъ былъ переправить вилавъ быты; но онъ, осмотрѣвъ мостъ, нашелъ, что по немъ можно перевести и лошадей, но только по одной. Мостъ сильно гнулся подъ тяжестью ихъ, но выдержалъ испытаніе.

Еще черезъ полчаса мы добрались до бывшей станицы Псеменовской. Изъ здѣсь не осталось ни одной, уцѣлѣли только сады, но они, также какъ дворы и улицы, заросли бурьяномъ выше роста человѣка. Около нихъ встрѣчались слѣды оленей и медведей, которые въ ночное время, вѣроятно, часто бродятъ и по бывшимъ улицамъ станицы.

Въ пустомъ, непокрытомъ еще сараѣ, построенному для лѣсной стражи, мы переночевали, а утромъ на слѣдующій день отправились въ станицу Преградную. Наши лошади были сильно утомлены Ѣздой по крутымъ горамъ; одна изъ нихъ буквально едва волокла ноги. На нихъ мы кое-какъ добрались до станицы Преградной, а дальше рѣшили Ѣхать на почтовыхъ обратно въ Кувшинскій ауль.

Описанію животныхъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ мы странствовали, я думаю посвятить отдельную статью, а поэтому теперь скажу лишь нѣсколько словъ о наиболѣе замѣчательныхъ и неописанныхъ, водящихъ въ верховьяхъ Лабы и Урупа. Первое мѣсто между ними должно принадлежать, конечно, кавказскому зубру, какъ животному вообще рѣдкому и малоизвѣстному. За двукратное посѣщеніе Загдана я не встрѣтилъ ни одного зубра, но раза три видѣлъ ихъ слѣды, которые настолько велики, что смыть ихъ со слѣдами оленей или другихъ животныхъ невозможно; свѣдѣнія-же о зубрахъ я собралъ, распрашивая о нихъ почти каждого охотника, съ которымъ мнѣ приходилось встрѣчаться. При такихъ условіяхъ, конечно, можно было рѣшить, что слѣдуетъ отнести къ области сказокъ и выдумокъ и что счи-тать за истину. Скажу прежде всего о географическомъ распро-страненіи зубра.

Въ послѣдніе годы въ верховьяхъ Урупа лѣтомъ зубровъ не бывало вовсе, такъ что въ это время года къ западу отъ долины Лабы и ея притока Пхи зубровъ встрѣтить нельзя. Зимою-же, по разсказамъ кувшинскихъ охотниковъ, они попадаются и въ верховьяхъ Урупа. Нашъ проводникъ Быты, безъ сомнѣнія, хороший охотникъ, убилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этой мѣстности 5 зубровъ. Карабаевцы утверждаютъ, что зубры заходятъ и въ верховья Большого Зеленчука, именно въ долину Иркызъ, и такъ-какъ эта послѣдняя отдѣляется отъ лѣсовъ по рѣкѣ Пхи полосой всего въ 2 или 3 версты, то, конечно, трудно допустить, чтобы зубры по временамъ не пробирались и въ Иркызъ *); но лѣсь нельзя, однако, считать постояннымъ мѣстопребываніемъ зубровъ. Въ прежнія времена зубры, вѣроятно, водились еще дальше къ востоку, именно въ долинѣ Теберды. Такъ говорятъ карабаевцы и это подтверждается названіемъ притока Теберды — Домбай-Ольгенъ, означающимъ въ переводѣ на русскій языкъ „зубръ убить“. В. Лапаріусъ говорить **), что зубры живутъ и въ верховьяхъ Маруха и Аксautа, но я хорошо знакомъ съ этими мѣстами и могу смѣло утверждать, что въ нихъ зубровъ вовсе не бываетъ, да здѣсь и нѣтъ такихъ обширныхъ лѣсовъ, гдѣ-бы они могли жить.

*) Иркызъ — это дремучій лѣсъ въ верховьяхъ Большого Зеленчука. Онъ во многомъ похожъ на Загданъ.

**) Извѣстія Кавказ. Общества Любителей Естествознанія. Кн. 2, 1880 г.

На западъ область распространенія зубра тянется черезъ верховье Малой Лабы, Ходза до Бѣлой, а можетъ быть и дальше—до истоковъ Шиши. Минъ рассказывали, что, въ громадныхъ лѣсахъ вокругъ горы Абаго, находящейся недалеко отъ истоковъ рѣки Бѣлой, зубровъ такъ много, какъ нигдѣ на Кавказѣ. Если считать область распространенія зубра отъ Иркыза до источниковъ Бѣлой, то длина ея окажется равной 85 или 90 verstамъ, ширина же,—если принимать во вниманіе ихъ перекочевки,—въ восточной части верстъ 35 или 40, а въ западной—еще меньше *).

Лѣтомъ даже въ Загданѣ зубры почти не встрѣчаются; на это время они перебираются къ самымъ верховьямъ Лабы и ея притоковъ и держатся недалеко отъ самыхъ глухихъ и дикихъ мѣстъ. Здѣсь ихъ некому беспокоить: мухъ и комаровъ нѣть, жаровъ не бываетъ, а человѣкъ, злѣйший врагъ всѣхъ крупныхъ дикихъ животныхъ, почти никогда не заходитъ. Сюда-же привлекаетъ ихъ богатая свѣжая растительность и обилие холодной чистой воды. Каждое утро зубры выходятъ здѣсь на поляны и лѣсные опушки, а съ наступленіемъ дня возвращаются въ лѣсъ; ходятъ они по однимъ и тѣмъ-же мѣстамъ и потому пробиваются довольно широкія, сильно-утоптаннныя тропы. Если вблизи есть соляные источники, то зубры посѣщаются ихъ очень аккуратно. Горцы хорошо знаютъ всѣ подобныхъ мѣста и иногда убиваютъ на нихъ зубровъ.

Такъ высоко, какъ, напр., серны, зубры никогда не поднимаются и вообще не уходятъ далеко отъ лѣса. Съ наступленіемъ зимы, когда на очень высокихъ мѣстахъ становится холодно и выпадаютъ большие снѣга, зубры начинаютъ мало-по-малу спускаться внизъ, въ Загдань, на Урупъ и т. д. Въ очень снѣжную зиму они подвигаются еще ниже, появляясь даже не особенно далеко отъ нашихъ крайнихъ станицъ. Такимъ образомъ ихъ убивали иногда охотники станицы Сторожевой.

Старые зубры-быки ведутъ одиночную жизнь, молодые-же, какъ самцы, такъ и самки, собираются въ небольшія группы, штукъ въ 5—7, даже 11 или 15; а прежде, лѣтъ 30—40 тому назадъ, встрѣчали стада ихъ штукъ въ 50. Зимою вообще они собираются въ большія стада, чѣмъ лѣтомъ.

*) О существованіи зубра на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта я не знаю ничего опредѣленного. Нѣкоторые (напр., Нордманъ) утверждаютъ, что онъ водится тамъ (какъ, напр., въ Абхазіи), карачаевскіе-же охотники утверждаютъ, что зубръ живетъ только на сѣверномъ склонѣ.

Зубры линять начинаютъ съ маѣ мѣсяца и лѣтомъ имѣютъ очень короткую и рѣдкую шерсть; къ зимѣ она становится длинной и пушистой. Цвѣтъ ея каштаново-бурый, т. е. такой-же, какъ и Бѣловѣжскаго зубра. Телята отличаются болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ.

О размноженіи зубровъ я спрашивалъ многихъ охотниковъ. Одни говорили, что зубры телятся, когда начинаетъ поспѣвать хлѣбъ (на Сѣв. Кавказѣ въ половинѣ іюня), другіе—когда въ Ставрополѣ бываетъ ярмарка (начинается недѣли за полторы до Троицы), третьи—когда кончаются жеребиться кобылицы, т. е. въ маѣ мѣсяца. Всѣ эти показанія очень согласуются между собою, въ особенности, если принять во вниманіе, что полу涓кія племена Кавказа не знаютъ названій мѣсяцевъ и не умѣютъ точно опредѣлять время. Нужно замѣтить, что указанный ими періодъ совпадаетъ съ таковымъ-же у Бѣловѣжскаго зубра, который телится въ маѣ и началѣ іюня.

Самка рождаетъ всегда одного теленка. Она, будто-бы, выбираетъ для этого полянку среди лѣса, вытаптываетъ ее, дѣлая площадку, похожую на токъ, и въ теченіи нѣсколькихъ дней остается здѣсь неотлучно при своемъ теленкѣ; потомъ, когда теленокъ будетъ въ состояніи болѣе или менѣе хорошо бѣгать, мать уходить съ нимъ въ другія мѣста лѣса. Въ это время подойти къ ней очень опасно, такъ-какъ она, не ожидая вызова, бросается на своего врага и, поваливъ его, бѣть и разрывать рогами.

Зубры въ высшей степени пугливы и осторожны, поэтому за ними мало охотятся. Лѣтомъ охота особенно ненадежна, такъ-какъ, увидѣвъ или почуявъ человѣка, зубръ, не останавливаясь, уходитъ за цѣлые десятки верстъ. Само собою разумѣется, что слѣдить за нимъ по лѣсу въ это время очень трудно, тѣмъ болѣе, что на каменистыхъ мѣстахъ и слѣдъ не бываетъ видѣнъ. Кромѣ того, охотникъ, не замѣчая зубра, можетъ подойти къ нему очень близко и снова испугать его. Тогда зубръ пройдетъ еще большее пространство, не остановившись ни разу. Нужно еще замѣтить, что изъ кремневыхъ ружей, изъ которыхъ стрѣляютъ кавказскіе горцы маленькой круглой пулѣй, убить зубра сразу весьма трудно: въ него иногда нужно всадить около десятка такихъ пуль, чтобы положить на мѣстѣ.

Само собою разумѣется, что послѣ каждого выстрѣла животное будетъ уходить и охотнику придется его выслѣживать. Кровяной слѣдъ, конечно, упростить это дѣло, но тѣмъ не менѣе оно

остается далеко не легкимъ. Нужно еще замѣтить, что зубръ, въ котораго стрѣляли нѣсколько разъ, бросается на охотника и становится очень опаснымъ противникомъ.

Зима очень плохое время для всѣхъ крупныхъ звѣрей. Въ это время въ горахъ выпадаетъ большой снѣгъ и ходьба становится весьма трудной. Еще хуже, когда снѣгъ затвердѣетъ сверху, но не настолько сильно, чтобы сдерживать такое грузное животное, какъ, напр., зубръ или даже олень. Тогда и чедовѣкъ въ нѣсколько часовъ въ состояніи загонять ихъ до такой степени, что они позволяютъ зарѣзать себя кинжаломъ. Зубровъ, однако, и зимою убиваютъ крайне мало, а именно, въ верховьяхъ Лабы и Урупа въ годъ среднимъ числомъ отъ трехъ до пяти штукъ. Въ прошломъ году, напр., 13 охотниковъ, зимовавшихъ въ Загданѣ, убили лишь одного за всю зиму.

Зубръ, раненый въ первый разъ, бросается на охотника очень рѣдко, но тотъ, въ котораго стрѣляли нѣсколько разъ, какъ уже было сказано раньше, дѣлается очень опаснымъ противникомъ.

На Кавказѣ зубровъ, вѣроятно, значительно больше, чѣмъ въ Бѣловѣжской пущѣ и истребить ихъ, пока горы въ верховьяхъ Лабы и Урупа остаются не заселенными, очень трудно. Жаль, все-таки, что охотники здѣсь не обращаютъ никакого вниманія на запрещеніе убивать этихъ животныхъ.

Мнѣ самому пришлось видѣть только двухъ кавказскихъ зубровъ: одного, присланного съ Кавказа въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Московскій зоологическій садъ, а другого въ городѣ Баталпашинскѣ, у покойнаго Н. Г. Петрусевича. Послѣдній изъ этихъ зубровъ былъ очень ручнымъ, ходилъ вмѣстѣ съ коровами въ поле и снова возвращался домой. Какая участь потомъ постигла его, мнѣ неизвѣстно.

Серна (*Capella rupicarpha*) въ верховьяхъ Урупа и Лабы встрѣчается очень часто. Во время первой моей поѣздки въ эти мѣста, лѣтомъ 1877 г., я и мои спутники видѣли сернъ буквально каждый день. Онѣ попадались намъ и на опушкѣ лѣсовъ, на высотѣ, едва превышающей 5.000 футовъ; но тогда, по случаю войны съ турками, жители Сѣвернаго Кавказа боялись отправлять свои стада въ горы и онѣ оставались совершенно безлюдными.

О сернахъ я уже писалъ раньше и упоминалъ, что кавказская серна не только сходна, но, вѣроятно, не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ альпійской или пиренейской.

Оленей по Урупу и Лабѣ очень много. Сколько мнѣ извест-

но, вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли кавказскаго олена отнести къ виду *Cervus Elaphus*, или же къ азіатскому *C. maral*, еще не разрѣшены; но, судя по изгибу главнаго ствола рога и широко-развѣтвленнымъ отросткамъ, составляющимъ вѣнецъ его, кавказскій олень ближе подходитъ къ *C. maral*, чѣмъ къ *C. Elaphus*. Цвѣтъ шерсти у него замѣтно измѣняется по временамъ года. Зимою онъ сѣро-бурый, а лѣтомъ замѣтно рыжѣе. Молодые, даже на второмъ году, имѣютъ явственный свѣтлый пятна на бокахъ туловища. Рёвъ самцевъ начинается съ первыхъ чиселъ сентября, сбрасываніе роговъ происходитъ въ концѣ зимы или началѣ весны, а въ концѣ юля и въ августѣ олени сдираютъ съ роговъ кожу. Одинъ олень, убитый нами въ половинѣ юля, имѣлъ рога, покрытые мягкой и еще совершенно здоровой кожей.

Косули въ большихъ лѣсахъ, растущихъ по отрогамъ Главнаго хребта, не встрѣчаются вовсе, но ихъ много по лѣснымъ балкамъ и бурьянамъ Черныхъ горъ. Выдры попадаются по берегамъ Лабы и другихъ рекъ. Ихъ часто ловятъ канканами. Къ замѣтнымъ животнымъ, водящимся въ этой мѣстности, относятся бобры (*Castor Fiber*). Они живутъ только въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Загдана и вообще у истоковъ Лабы. Миѳ самому не пришлось видѣть бобровъ, но существованіе ихъ на Кавказѣ подтверждается слѣдующими данными: моему знакомому, аптекарю И. И. Лилленкампфу, была привезена съ Лабы одинимъ казакомъ шкура бобра, отъ которой онъ даже отрѣзалъ мѣшечки съ бобровой струей (*castoreum*). Кроме того, кувшинцы рассказывали мнѣ, что въ верховьяхъ Лабы есть какой-то звѣрь, который перегрызаетъ попечерь стволы довольно большихъ деревьевъ и имѣть голый, широкій, плоскій хвостъ. Очевидно, они говорили о рѣчныхъ бобрахъ. Хижинъ, однако, они здѣсь, кажется, не строятъ вовсе, по-крайней-мѣрѣ, кувшинские охотники ничего похожаго на нихъ никогда не видали. Это, я думаю, нужно приписать быстротѣ кавказскихъ рѣчекъ, которая послѣ дождя въ состояніи снести любую плотину, построенную даже не бобрами.

Въ верховьяхъ Урупа и Лабы водятся еще медведи, рыси, дикия кошки и изрѣдка попадаются и барсы, но главное богатство здѣшнихъ лѣсовъ составляютъ куницы. На нихъ существуетъ правильный промыселъ, какъ въ Сибири за бѣлкой. Кувшинские охотники еще съ осени отправляются въ Загданъ и соѣднѣе съ нимъ лѣса и живутъ тамъ въ теченіе несколькихъ мѣсяцевъ, занимаясь ловлей куницъ и охотясь съ ружьемъ за крупнымъ звѣ-

ремъ. Жители одного куввинского аула добывают среднимъ числомъ до пяти тысячъ куницъ въ годъ.

По цвету шерсти, по устройству подошвы и другимъ признакамъ, здѣшнія куницы представляютъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ отъ бѣлодушки (*Mustella foipa*) до настоящей лѣсной куницы (*Mustella Martes L.*). У нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣть большого, бѣлаго, горлового пятна, а только двѣ бѣлые полоски и между ними нѣсколько бѣлыхъ-же крапинъ. У такихъ мѣхъ очень теменъ, хвостъ черный, мало-пушистый, лапки почти черные и подошва мозолистая, голая. У другихъ существуетъ большое, бѣлое, горловое пятно, которое тянется до основанія переднихъ конечностей; мѣхъ у нихъ довольно темный, подошва также голая и хвостъ съ прилегающей шерстью. Оба эти варіетета болѣе приближаются къ бѣлодушкѣ, чѣмъ къ настоящимъ куницамъ. Другого сорта куницы отличаются ярко-желтымъ или рыжимъ горловымъ пятномъ, почти совершенно опущенной подошвой и очень пушистымъ хвостомъ; мѣхъ у нихъ не такъ теменъ, но съ каштаново-бурымъ оттенкомъ. Эти куницы представляютъ настоящую *Mustella Martes L.*.

Н. Динникъ.